

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 2
(апрель-июнь)
2025 г.

Учредитель и издатель:
Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский Индекс научного цитирования (РИНЦ)
И зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

- **Ж.А. Бокоев** - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.
- **А.П. Галоганов** – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.
- **С.Д. Каракозов** - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
- **Г.Б. Мирзоев** – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».
- **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.
- **К.Х. Рахимбердин** - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL BOARD

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

- **A. Bokoev** - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **P. Galoganov** - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.
- **D. Karakozov** - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.
- **V. Komarova** - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).
- **M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.
- **Kh. Rakhimberdin** - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

- **О.Н. Булаков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета
- **Л.Ю. Грудцына** – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН
- **Б.В. Сангаджиев** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
- **Л.А. Тхабисимова** – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.
- **М.С. Шайхуллин** – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

- **А.В. Барков** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Л.В. Андреева** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
- **В.Е. Белов** - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
- **С.А. Иванова** - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».
- **Д.П. Стригунова** - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the
Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute
of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

- **O.N. Bulakov** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities
- **L.Yu. Grudtsyna** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences
- **B.V. Sangadzhiev** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
- **L.A. Tkhabisimova** - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- **M.S. Shaikhullin** - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

- **A.V. Barkov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **L.V. Andreeva** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
- **V.E. Belov** - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».
- **S.A. Ivanova** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».
- **D.P. Strigunova** - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

Новый юридический журнал

*Ежеквартальный
научно-правовой
журнал*

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Козлова В.Е.

Компьютерная верстка:

Горячева М.В.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3.

Офис В 218. Этаж 2.

Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Анимоков И.К. * Государственная политика противодействия терроризму: российский и зарубежный опыт 9

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Коняев И.В. * Конституционное обеспечение экономических прав и свобод граждан 13

Чижевский А.В. * Правовые аспекты социальной защиты прав военнослужащих-участников СВО . . 16

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Чубабрия К.В. * Отечественные и зарубежные теории соотношения публичного и частного права, их характеристика 20

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Киселёв В.В. * Эволюция законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации: исторический обзор и современные тенденции 26

Ованесов Б.К. * Альтернативные методы разрешения споров в контексте гражданско-правовой ответственности предпринимателей: преимущества и ограничения 30

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Наджафзаде О.Г., Кочубей А.В. * Понятие и признаки убийства по найму 37

Жигулина А.К. * Понятие, содержание и структура принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве 41

Анимоков И.К. * Идеологические основы современного религиозного экстремизма 45

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Щербакова М.В. * Правотворчество как форма реализации государственной власти: теоретико-правовой анализ 49

Макаров Т.И. * Становление древнерусского права (IX-XI вв.): рецепция и правовая семья 55

Григорьев Е.Г. * Реформы воеводского управления в XVIII веке. 61

CONTENTS:

POLICY AND LAW

Animokov I.K. * State policy on countering terrorism: russian and foreign experience 9

HUMAN RIGHTS

Konyaev I.V. * Constitutional provision of economic rights and freedoms of citizens 13

Chizhevskiy A.V. * Legal aspects of social protection of the rights of military personnel participating in SMO (special military operation) 16

CIVIL LAW THEORY

Chubabriya K.V. * Domestic and foreign theories of the relationship between public and private law, their characteristics 20

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Kiselev V.V. * The evolution of legislation on personal bankruptcy in the Russian Federation: a historical overview and contemporary trends 26

Ovanesov B.K. * Alternative methods of dispute resolution in the context of civil liability of entrepreneurs: advantages and limitations 30

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Najafzade O.G., Kochubey A.V. * The concept and signs of murder for hire 37

Zhigulina A.K. * The concept, content and structure of the principle of independence of judges in criminal proceedings 41

Animokov I.K. * Ideological foundations of modern religious extremism 45

LEGAL ARCHIVE

Shcherbakova M.V. * Law-making as a form of exercising state power: theoretical and legal analysis 49

Makarov T.I. * Formation of old russian law (IX-XI cent.): reception and legal family 55

Grigoriev E.G. * Reforms of the voivodeship administration in the XVIII century 61

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2025
Дата принятия рукописи в печать: 04.06.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-2-9-12

АНИМОКОВ Ислам Каншоубиевич,
преподаватель кафедры ГиГПД,
капитан полиции, к.пед.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основы, правовые механизмы и практические меры государственной политики противодействия терроризму на примере России и зарубежных стран. Проводится сравнительный анализ организационно-правовых основ антитеррористической деятельности, выявляются общие тенденции и национальные особенности. Особое внимание уделяется эволюции подходов к противодействию терроризму в России, США, странах Европы и на Ближнем Востоке. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию системы противодействия терроризму с учетом российских реалий и положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, антитеррористическая политика, национальная безопасность, международное сотрудничество, радикализм, экстремизм, профилактика терроризма.

ANIMOKOV Islam Kanshoubievich,
Lecturer, Department of State Pedagogical University,
police captain, Ph.D.

STATE POLICY ON COUNTERING TERRORISM: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The article examines the conceptual foundations, legal mechanisms, and practical measures of state policy on countering terrorism using the examples of Russia and foreign countries. A comparative analysis of organizational and legal frameworks for counter-terrorism activities is conducted, revealing common trends and national peculiarities. Special attention is given to the evolution of approaches to countering terrorism in Russia, the United States, European countries, and the Middle East. Based on this research, proposals are formulated to improve the counter-terrorism system, taking into account Russian realities and positive foreign experience.

Key words: terrorism, counter-terrorism, anti-terrorist policy, national security, international cooperation, radicalism, extremism, terrorism prevention.

Проблема терроризма в современном мире приобрела глобальный характер и представляет серьезную угрозу международной и национальной безопасности. В условиях усложнения данной угрозы, совершенствования методов и тактик террористической деятельности особую актуальность приобретает исследование государственной политики противодействия терроризму, анализ существующих подходов и поиск наиболее эффективных решений.

Как отмечает В.Е. Петрищев, терроризм сегодня эволюционировал от локальных действий отдельных группировок до системной угрозы глобального масштаба, что требует адекватного и комплексного подхода со стороны государственных и международных институтов [6, с. 17]. Это определяет необходимость сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта противодействия терроризму с целью выявления наиболее эффективных практик и возможностей их адаптации.

Современное понимание противодействия терроризму базируется на комплексном подходе, включающем широкий спектр предупредительных, пресекающих и минимизирующих последствия мер. Согласно определению, закрепленному в российском законодательстве, противодействие терроризму – это деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма [8, ст. 3].

Ю.С. Горбунов выделяет несколько базовых принципов противодействия терроризму, которые в той или иной степени реализуются в большинстве стран: законность, приоритет предупредительных мер, неотвратимость наказания, комплексность, системность, сочетание гласных и негласных методов, минимизация уступок террористам [3, с. 124-126].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что эффективная антитеррористическая политика должна включать следующие компоненты:

- правовое регулирование противодействия терроризму;
- институциональный механизм реализации антитеррористической политики;
- стратегическое планирование и координация усилий;
- оперативно-розыскные и специальные меры;
- информационно-пропагандистская работа;
- международное сотрудничество;
- ликвидация источников финансирования терроризма;
- социально-экономические и политические меры по устранению причин терроризма.

Современная российская система противодействия терроризму прошла сложный путь становления и развития, что связано с серьезными террористическими вызовами, с которыми столкнулась страна в 1990-е и 2000-е годы. Как отмечает С.Е. Метелев, исторически сложившиеся подходы к антитеррористической деятельности в России имеют свою специфику, обусловленную особым геополитическим положением страны, ее многонациональным и многоконфессиональным составом, а также спецификой внутренних и внешних угроз [5, с. 89].

Правовую основу противодействия терроризму в Российской Федерации составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ.

Существенным шагом в развитии системы противодействия терроризму стало принятие в 2006 году Федерального закона «О противодействии терроризму», который заложил основы современной государственной политики в данной сфере. Закон определил ключевые принципы противодействия терроризму, организационные основы борьбы с ним, полномочия государственных органов, порядок проведения контртеррористических операций [8].

В.П. Журавель и В.Г. Шевченко подчеркивают, что одним из важнейших институциональных решений стало создание в 2006 году Национального антитеррористического комитета (НАК), обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму [4, с. 203]. Создание НАК позволило сформировать единую государственную систему профилактики терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений.

В концептуальном плане важным документом стала Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ в 2009 году. Концепция определила основные принципы, цели и задачи противодействия терроризму, а также направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму.

Анализируя зарубежный опыт противодействия терроризму, необходимо отметить значительное разнообразие подходов и механизмов, обусловленных национальной спецификой, историческими традициями и особенностями правовых систем разных стран.

Опыт США в сфере противодействия терроризму претерпел кардинальные изменения после терактов 11 сентября 2001 года. Как отмечает Б. Хоффман, американская стратегия противодействия терроризму сместилась от преимущественно правоохранительного подхода к комплексной стратегии, сочетающей военные, разведывательные, дипломатические, экономические и информационные инструменты [9, с. 128].

Ключевыми элементами американской системы противодействия терроризму стали:

- создание Министерства внутренней безопасности (Department of Homeland Security);
- реформирование разведывательного сообщества;
- принятие «Патриотического акта» (USA PATRIOT Act), расширившего полномочия спецслужб;
- развитие международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму;
- реализация глобальной контртеррористической стратегии.

Европейский опыт противодействия терроризму характеризуется высоким уровнем международного сотрудничества в рамках Европейского Союза и акцентом на правоохранных и превентивных мерах. П. Уилкинсон отмечает, что европейский подход базируется на приоритете соблюдения прав человека и демократических ценностей при осуществлении антитеррористической деятельности [10, с. 76].

В рамках ЕС созданы специальные институты координации антитеррористической деятельности: Координатор ЕС по борьбе с терроризмом, Европол, Евроюст. Принята Контртеррористическая стратегия ЕС, основанная на четырех направлениях: предотвращение, защита, преследование и реагирование.

Интересен опыт Израиля, который столкнулся с терроризмом практически с момента своего создания и выработал специфическую модель противодействия данной угрозе. Израильская стратегия сочетает жесткие силовые меры с широкомасштабной превентивной работой и развитием системы гражданской защиты. Как указывает А.М. Васильев, характерной чертой израильского подхода является высокая степень мобилизации общества и вовлеченность гражданского населения в систему противодействия терроризму [2, с. 145].

Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта позволяет выделить как общие тенденции, так и национальные особенности в подходах к противодействию терроризму.

К общим тенденциям можно отнести:

- усиление координирующей роли государства в противодействии терроризму;
- комплексный подход, сочетающий профилактические, силовые и реабилитационные меры;
- развитие международного сотрудничества;
- активизацию борьбы с финансированием терроризма;
- совершенствование правовой базы противодействия терроризму.

Вместе с тем существуют значительные различия, обусловленные национальной спецификой. Е.А. Степанова выделяет несколько базовых моделей противодействия терроризму [7, с. 203-205]:

1. Англо-саксонская модель (США, Великобритания), характеризующаяся активным использованием военной силы и специальных служб, экстерриториальным подходом к противодействию терроризму.
2. Европейская континентальная модель (Франция, Германия), основанная на приоритете правоохранных органов и судебной системы.
3. Ближневосточная модель, сочетающая жесткие силовые меры с идеологическим противодействием радикализму.
4. Российская модель, характеризующаяся централизованной системой координации и комплексным подходом.

Ю.И. Авдеев отмечает, что российский подход к противодействию терроризму формировался под влиянием специфических условий и угроз, с которыми столкнулась страна, и сочетает элементы различных моделей [1, с. 78].

Анализ российского и зарубежного опыта позволяет определить ряд перспективных направлений совершенствования политики противодействия терроризму:

- Развитие системы раннего предупреждения террористических угроз, включающей мониторинг радикализации, выявление вербовочной активности и предотвращение финансирования терроризма.
- Усиление противодействия идеологии терроризма, в том числе в интернет-пространстве, развитие контрпропаганды и программ дерадикализации.
- Совершенствование международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму, гармонизация законодательства и координация усилий на международном уровне.
- Развитие государственно-частного партнерства в сфере противодействия терроризму, вовлечение бизнеса и гражданского общества в превентивную работу.
- Научно-методическое обеспечение антитеррористической деятельности, развитие инновационных подходов к профилактике и противодействию терроризму.

Проведенный анализ российского и зарубежного опыта противодействия терроризму показывает, что в современных условиях эффективная антитеррористическая политика должна базироваться на комплексном подходе, сочетающем превентивные, силовые, правовые, информационные и социально-экономические меры.

Несмотря на различия в национальных подходах, можно выделить общие принципы, обеспечивающие эффективность противодействия терроризму: системность, превентивность, координация усилий различных органов и ведомств, международное сотрудничество, сочетание силовых и несиловых методов, адаптивность к изменяющимся угрозам.

Российская система противодействия терроризму сформировалась как ответ на серьезные вызовы безопасности и продолжает эволюционировать, учитывая, как собственный опыт, так и лучшие зарубежные практики. Дальнейшее совершенствование государственной политики противодействия терроризму требует научного осмысления существующих подходов, мониторинга их эффективности и своевременной адаптации к новым вызовам и угрозам.

Список литературы:

[1] Авдеев Ю.И. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2. С. 52-66.

[2] Бучаков С.А. Международный опыт борьбы с финансированием терроризма // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16, № 4. С. 442-448.

[3] Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М.: Молодая гвардия, 2021. 486 с.

[4] Журавель В.П. Противодействие терроризму: опыт и уроки // Право и безопасность. 2020. № 3. С. 34-41.

[5] Ильин Е.П. О современном состоянии и перспективах противодействия терроризму в России // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1(25). С. 47-58.

[6] Кулакова В.А. Превентивные меры в системе противодействия терроризму: российский и зарубежный опыт // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 3. С. 91-97.

[7] Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2018. 464 с.

[8] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[9] Hoffman B., Ware J., Shapiro E. Assessing the Threat of Incel Violence // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43, № 7. P. 565-587.

[10] Nečej J., Ľapt'uch M. Countering Lone Wolf Terrorism: European Experiences // Politické vedy. 2019. Vol. 22, № 2. P. 132-146.

Spisok literatury:

[1] Avdeev Yu.I. Ekstremizm v sovremennoj Rossii: istoki, sodержanie, tipologiya // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2018. № 2. S. 52-66.

[2] Buchakov S.A. Mezhdunarodnyj opyt bor'by s finansirovaniem terrorizma // Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii. 2019. T. 16, № 4. S. 442-448.

[3] Gorbunov Yu.S. Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodejstviya emu: monografiya. M.: Molodaya gvardiya, 2021. 486 s.

[4] Zhuravel' V.P. Protivodejstvie terrorizmu: opyt i uroki // Pravo i bezopasnost'. 2020. № 3. S. 34-41.

[5] Il'in E.P. O sovremennom sostoyanii i perspektivah protivodejstviya terrorizmu v Rossii // Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2021. № 1(25). S. 47-58.

[6] Kulakova V.A. Preventivnye mery v sisteme protivodejstviya terrorizmu: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2019. T. 15, № 3. S. 91-97.

[7] Petrishchev V.E. Chto takoe terrorizm, ili Vvedenie v terrorologiyu. M.: KRASAND, 2018. 464 s.

[8] Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 11. St. 1146.

[9] Hoffman B., Ware J., Shapiro E. Assessing the Threat of Incel Violence // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43, № 7. P. 565-587.

[10] Nečej J., Ľapt'uch M. Countering Lone Wolf Terrorism: European Experiences // Politické vedy. 2019. Vol. 22, № 2. P. 132-146.

КОНЯЕВ Иван Васильевич,
аспирант, специальность 5.1.2,
Московский инновационный университет,
Россия, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Аннотация. В статье речь идет о том, что четкое и системное закрепление основных экономических прав и свобод лица можно считать важной материально-правовой гарантией этих прав. Также выделены семь категорий конституционных положений об экономических правах. Доказано, что права, признанные на конституционном уровне, но подлежащие законодательной имплементации, требуют определенных дальнейших действий, обычно законодательных, для их полного определения или активации. Такие положения создают значительно более слабую конституционную гарантию. Сделан вывод, о том, что роль экономических прав и свобод не только в обеспечении конституционного статуса лица, но и в формировании и развитии гражданского общества.

Ключевые слова: конституционное обеспечение, конституционный статус, экономические права, правовые гарантии, законодательная имплементация.

KONYAEV Ivan Vasilievich,
PhD student, specialty 5.1.2,
Moscow Innovation University,
Russia, Moscow

CONSTITUTIONAL PROVISION OF ECONOMIC RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Annotation. The article refers to the fact that a clear and systematic consolidation of the fundamental economic rights and freedoms of a person can be considered an important material and legal guarantee of these rights. There are also seven categories of constitutional provisions on economic rights. Rights recognized at the constitutional level but subject to legislative implementation have been shown to require certain further actions, usually legislative, to fully define or activate them. Such provisions create a significantly weaker constitutional guarantee. It was concluded that the role of economic rights and freedoms is not only in ensuring the constitutional status of a person, but also in the formation and development of civil society.

Key words: constitutional provision, constitutional status, economic rights, legal guarantees, legislative implementation.

Четкое, системное и достаточно широкое закрепление основных экономических прав и свобод лица можно считать важной материально-правовой гарантией этих прав, поскольку оно исключает дискуссию относительно признания и необходимости содействия реализации этих прав со стороны государства. Более того, учитывая системные связи между всеми основными правами и свободами, независимо от их видовой принадлежности, важную роль в обеспечении экономических прав и сво-

бод играют закрепление личных и политических прав. В частности, свобода слова может быть истолкована и как защита коммерческой рекламы, а свобода прессы и других средств массовой информации обеспечивает экономические гарантии владельцам таких средств. В свою очередь, свобода передвижения является важной гарантией легальной трудовой миграции, а следовательно, служит дополнительной гарантией права на труд и права на свободу предпринимательской деятельности. Право на свободу

объединения включает в себя право на создание профессиональных союзов и организаций работодателей, а право на проведение массовых акций - возможность проводить собрания - митинги и уличные шествия относительно экономических вопросов.

Практически любое накладываемое экономическое обременение законодательными или административными действиями, может быть проверено на конституционность. Например, в федеральных конституциях общее стремление создать и поддерживать единое экономическое пространство на территории страны влечет за собой запрет на экономический контроль со стороны государства. Нарушение таких запретов может стать основанием для судебных исков, благодаря которым свобода предпринимательской деятельности может быть усилена [1].

Можно выделить семь категорий конституционных положений об экономических правах.

Первая категория экономических прав - это индивидуальные права, которые касаются всех. Это самая мощная форма права, на которую можно сослаться по судебному иску к обычным судебным учреждениям в спорах между отдельными физическими лицами и претензиями между отдельными физическими лицами и государством. Однако, опора на такое право может предполагать обращение в специализированную конституционную юрисдикцию для авторитетного толкования, например, через судебное представление. Ведь наличие или отсутствие права, принадлежность корреспондирующих обязанностей, прямо или необходимым образом за государством не закрепляется. Эта «горизонтальное» действие может зависеть от общих конституционных принципов. Следствием этого может быть то, что право является таким, которое лишено соответствующего горизонтального действия, а выражено в терминах, требующих дальнейших действий по его определению или совершенствованию.

Вторая категория – это обязанности государства, которые непосредственно реализуются ради прав физических лиц. Это, пожалуй, самая распространенная форма, которую приобретают «традиционные» гражданские и политические права в современных конституциях, но она регулярно встречается и относительно экономических прав. В данном случае, права обычно выражаются в общих чертах, а осуществление обязанностей, возложенных на государство как обладателя соответствующих полномочий (в лице органов уголовного правосудия, полиции и т.д.), ограничено конституционными гарантиями. Опять же, как такие права могут быть реализованы в судебном процессе (если вообще возможно) будет вопросом общих положений национального процессуального законодательства и Конституции [5].

К третьей категории относятся права, подлежащие немедленному исполнению, но предусматривающие законодательный или иной установленный контроль или ограничение. Любая из двух вышеупомянутых категорий прав может выступать в более ограниченной форме, причем их декларирование напрямую связывается с законодательным контролем или ограничением. Его следует отличать от возможности ограничения в соответствии с общими, но тщательно разработанными положениями, которые конституция может распространять на все, за исключением фундаментальных прав.

Следующую, четвертую категорию прав составляют те, которые являются признанными на конституционном уровне, но подлежат законодательной имплементации. Они требуют определенных дальнейших действий, обычно законодательных, для их полного определения или активации. Такие положения создают значительно более слабую конституционную гарантию. Если законодательная власть не действует, чтобы обеспечить реализацию соответствующих прав, то, скорее всего, не существует правовых (в отличие от политических) средств, доступных согласно Конституции, чтобы заставить ее это сделать. В таком случае многое зависит от механизмов конституционного контроля в целом и от того, способны суды общей юрисдикции принять к сведению конституционные положения.

Пятая категория - обязанности государства, которые не могут быть реализованы непосредственно через активность физических лиц. В таком случае нет четкой границы между теми положениями, требующими законодательных действий, и, скажем, более расплывчатыми формулировками. Очевидно, что чем более расплывчатыми становятся такие формулировки, тем больше вероятность того, что это положение будет рассматриваться не как законодательный запрет, а просто как выражение стремления или политического принципа. Не менее часто Конституции обязывают государство действовать в условиях, в которых остается неопределенным вопрос о том, существует ли вообще предварительное признание соответствующего права, и если да, то какой может быть его «сущность». В крайнем случае, может быть невозможно сформулировать какое-либо право, соотносимое с обязанностью, возложенной на государство, в отношении которого суд мог бы определить в данный момент, было ли оно соблюдено или проигнорировано.

Наконец, седьмая категория экономических прав с точки зрения механизма их реализации - это права - стремления. Физическому лицу-субъекту соответствующего права нельзя рассчитывать на то, что оно будет рассматриваться органом конституционной юстиции как порождающее

любые индивидуальные права, и подлежать принудительной реализации со стороны государства или, тем более, со стороны других субъектов.

Нарратив пока ведет условно в двух направлениях. Первый заключается в «нормальности» включения экономических прав в современные конституции [4]. Экстраполируя имеющиеся тенденции в данной сфере, можно со значительной мерой уверенности прогнозировать, что новые конституции, скорее всего, будут способствовать, чем отвергать экономические права. Второе направление, более условное, заключается в том, что экономические права начинают признаваться и поддерживаться (на законодательном уровне или через судебную прецедентную практику) даже в либеральных демократиях, несмотря на их отсутствие в конституциях соответствующих государств (Австралия, Канада, США) [3].

Исторически произошла конституционная эволюция в трактовке экономических прав в национальных конституциях, и со сравнительной точки зрения сказались появление разных политических традиций. Экономические права отражают представление скорее о том, каким должно быть управляемое общество во всех его аспектах, чем о том, что правительство может или не может делать [2].

Важно отметить то, что конституционные права соответствовали господствующей в первой половине XX века экономической ортодоксальной мысли, которая подчеркивала необходимость повышения покупательной способности, стимулирование спроса на товары, снижение безработицы и зависимости от социального обеспечения, а также снижение риска социальных волнений. Эти экономические права довольно трудно вписываются в новую экономическую реальность открытых рынков, транснациональных корпораций и свободной торговли в интенсивной и конкурентной глобальной экономике, однако не подлежат пересмотру, учитывая международные обязательства государств.

Следовательно, роль экономических прав и свобод не только в обеспечении конституционного

статуса лица, но и в формировании и развитии гражданского общества, по крайней мере, при дуалистическом понимании последнего как сферы общественной жизни, свободной от государственного начала.

Список литературы:

- [1] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., Изд. НОРМА - ИНФРА-М, 2023. - 776 с.
- [2] Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности граждан. М.: Изд-во Московского университета. 2022. - 300 с.
- [3] Крашенинников Е.А. Конституционное право на судебную защиту // Вопросы теории охранительных правоотношений: Материалы научной конференции. Ярославль. 2021. - с. 29-35.
- [4] Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. - 272 с.
- [5] Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 2022. - 286 с.

Spisok literatury:

- [1] Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. M., Izd. NORMA - INFRA-M, 2023. - 776 s.
- [2] Voevodin L. D. Konstitucionnye prava i obyazannosti grazhdan. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 2022. - 300 s.
- [3] Krasheninnikov E.A. Konstitucionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu // Voprosy teorii ohranitel'nyh pravootnoshenij: Materialy nauchnoj konferencii. Yaroslavl'. 2021. - s. 29-35.
- [4] Lebedev V.A. Konstitucionno-pravovaya ohrana i zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii (teoriya i praktika sovremennosti). - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2024. - 272 s.
- [5] Mordovec A.C. Social'no-yuridicheskij mekhanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina. Saratov, 2022. - 286 s.

ЧИЖЕВСКИЙ Артем Викторович,

магистрант,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,

Россия, г. Москва,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-УЧАСТНИКОВ СВО

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать особенности модернизации социального законодательства РФ в контексте совершенствования правовых норм, регламентирующих специфику социальной защиты военнослужащих-участников СВО. При написании статьи использовался сравнительно-правовой метод, а также методы анализа и синтеза. В статье рассмотрены основные категории и направления социальной защиты прав военнослужащих-участников СВО. Практическое применение результатов данной статьи заключается в систематизации ключевых тенденций совершенствования системы поддержки участников СВО и членов их семей (как на федеральном, так и на региональном уровнях).

Ключевые слова: специальная военная операция, военнослужащие, Российская Федерация, социальная защита, права человека, социальные льготы и выплаты.

CHIZHEVSKIY Artem Viktorovich,

Master's student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

Moscow, Russia

LEGAL ASPECTS OF SOCIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL PARTICIPATING IN SMO (SPECIAL MILITARY OPERATION)

Annotation. The purpose of this article is to analyze the specifics of the modernization of the social legislation of the Russian Federation in terms of improving the legal norms governing the specifics of social protection of military personnel participating in the military. When creating the article, the comparative legal method was used, as well as methods of analysis and synthesis. The result of the article was an overview of the main categories and areas of social protection of the rights of military personnel participating in the SMO. The practical application of the results of this article is to highlight the main trends in improving the support system for the participants of the SMO and their family members (both at the federal and regional levels).

Key words: special military operation, military personnel, Russian Federation, social protection, human rights, social benefits and payments.

В настоящее время военная безопасность и обеспечение обороноспособности Российской Федерации невозможно без внимания со стороны законодателя в контексте поддержки и правовой защиты военнослужащих, находящихся в зоне военных действий в рамках СВО. Необходимо подчеркнуть, что данная сфера жизнедеятельности государства предполагает большую работу, направленную на эффективную разработку и применение новых инструментов

поддержки, которые учитывали бы потребности военнослужащих и справедливо оценивали их вклад в защиту государства [7, с. 89].

В современных условиях военная стратегия Российской Федерации обусловлена различными экономическими и социальными факторами, в связи с чем роль военнослужащих, находящихся в зоне СВО, чрезвычайно важна для обеспечения целостности и государственности нашей страны. Основной тактической целью выступает модерни-

зация системы социальной защиты военнослужащих-участников СВО, а также анализ социально-экономических потребностей военнослужащих и удовлетворение их.

Российская Федерация ведет активную работу по обеспечению основных прав, свобод и удовлетворению основных экономических и социальных потребностей граждан РФ. Это проявляется в совершенствовании законодательства РФ в части социального обеспечения граждан, в том числе в защите прав и свобод участников СВО, гарантированных Конституцией и другими нормативно-правовыми актами. Современная социальная защита РФ представляет собой регламентированную на правовом уровне систему, включающую в себя различные принципы, методы, социальные гарантии и меры, благодаря которым каждый человек может поддерживать необходимый уровень жизни, применять и использовать предусмотренные социальные гарантии [6, с. 139]. Следует отметить и различные законодательные инициативы, позволяющие удовлетворять потребности и поддерживать жизнеобеспечение военнослужащих-участников СВО.

Социальная защита как один из наиболее приоритетных предметов ведения российского государства привлекает внимание современных ученых в области государственного и муниципального обеспечения и социального права. В настоящее время основным характеристикам, принципам и задачам социальной защиты посвящено множество научных исследований. На основе их анализа, социальную защиту можно определить как совокупность различных экономических, социальных, правовых гарантий, которые закрепляются на нормативно-правовом уровне в кодексах и других правовых документах государства. Органы социальной защиты регламентируют порядок деятельности и функционирования различных социальных институтов и учреждений, а также устанавливают льготы и нормы, которые помогают поддерживать жизнеобеспечение и создавать необходимые условия для существования различных групп населения [8, с. 57].

В рамках нашей темы адресатом социальной защиты и ее основным субъектом выступают военнослужащие, которые находятся в зоне боевых действий, а также члены их семьи и близкие родственники. Социальная защита прав военнослужащих-участников СВО подразумевает механизм, в рамках которого можно выделить правовые обязательства должностных лиц в сфере социальной защиты, а также внедрение правовых мер ответственности данных лиц в случае нарушения или неисполнения своих обязанностей в

части предоставления информации и услуг в сфере льгот и компенсации военнослужащим, проходящим службу в зоне СВО. Также социальная защита обеспечивается соблюдением на практике закрепленных на законодательном уровне условий предоставления военнослужащим и их родственникам положенных компенсаций и льгот, а также доведения данной информации до сведения граждан. В частности, в настоящий момент многие государственные ресурсы содержат информацию, размещенную как в органах социальной защиты, так и на государственных интернет-сайтах, где любой заинтересованный гражданин может ознакомиться с последними нововведениями в сфере обеспечения социальной защиты военнослужащих в зоне СВО.

Для того, чтобы получать социальные льготы и выплаты, военнослужащие-участники СВО обязуются выполнять свои прямые обязанности, связанные с подготовкой к вооруженной защите Российской Федерации. Поскольку они выступают одной из наиболее уязвимых категорий населения в связи с беспрекословным выполнением поставленных военных задач, а также риском для собственной жизни, отечественное законодательство постоянно совершенствуется в контексте разработки новых льгот и выплат социального характера, которые обеспечивают систему социального обеспечения.

В настоящее время система социальной защиты военнослужащих в зоне СВО включает в себя различные виды медицинской помощи, санаторно-курортное лечение, материальную поддержку, характеризующуюся как единовременными, так и постоянными выплатами, а также поддержку в связи с временной или постоянной потерей трудоспособности вследствие военных действий. По состоянию на начало декабря 2024 года, социальная защита и поддержка военнослужащих-участников СВО и членов их семей включает в себя следующие элементы [5]:

1. Медицинское обеспечение.

Медицинская помощь и восстановление здоровья военнослужащих-участников СВО входит в предмет ведения Главного военно-медицинского управления Минобороны РФ, военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, а также ряда других региональных медицинских организаций и санаторно-курортных комплексов [4].

2. Финансовое обеспечение.

В настоящий момент военнослужащим в зоне СВО полагаются ежемесячные денежные выплаты от 204 тыс. руб. в мес., при этом законодатель не привязывает данную сумму к воинскому званию, должности и выслуге лет [3]. При заключении контракта с Минобороны РФ на про-

хождение военной службы в зоне СВО граждан одновременно получает от 195 тыс. руб. (в зависимости от того или иного региона РФ, где был заключен контракт) [2].

3. Льготы и гарантии.

Социальные льготы и гарантии для военнослужащих-участников СВО многочисленны, наиболее важные из них включают в себя:

- возможность быстрого приобретения жилья за счет Минобороны России через накопительно-ипотечную систему;
- служебное жилье или компенсация за наем жилья;
- бесплатное обследование, лечение и реабилитация в военно-медицинских учреждениях;
- страхование жизни и здоровья за счет федерального бюджета;
- право на льготную пенсию после 20 лет службы;
- статус ветерана боевых действий и соответствующие льготы;
- кредитные и налоговые каникулы;
- бюджетные места для обучения детей в вузах;
- за контрактниками бронируются рабочие места;
- бесплатный отдых детей в летних оздоровительных лагерях;
- единые дополнительные выплаты, льготы и гарантии субъектов российской федерации для военнослужащих по контракту.

4. Страховые выплаты

Жизнь и здоровье военнослужащих подлежат обязательному государственному страхованию, поэтому помимо социальных они могут получить и страховые выплаты. Порядок и размер страховых выплат регламентируется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ [1]. Так, страховые выплаты полагаются военнослужащим-участникам СВО в случае приобретения инвалидности вследствие увечья или в случае полученного ранения, травмы или контузии как в период военной службы, так и в течение года после окончания военной службы. В случае смерти гражданина его семье полагаются выплаты в повышенном размере.

В завершении отметим, что сфера социальной защиты военнослужащих-участников СВО постоянно модернизируется, совершенствуется нормативно-правовая база. Государство своевременно реагирует на возникающие проблемы, нужды и потребности военных. Военнослужащие-участники СВО находятся под пристальным вниманием законодателя Российской Федерации, который прилагает большие усилия по модерни-

зации и повышению эффективности существующей в отечественной правовой системе модели социальной защиты военнослужащих, исполняющих свою военную обязанность в зоне СВО. Важно подчеркнуть, что Правительство Российской Федерации в своей правотворческой деятельности обращает внимание на повышение приоритета военнослужащих, обеспечение престижа и популяризации военной службы. Также современная социальная защита военнослужащих, находящихся в зоне СВО, подразумевает увеличение денежных надбавок, а также повышенный размер пенсии и пособий, которые им полагаются.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «Гарант»

[2] Постановление Правительства РФ от 14 марта 2023 г. № 386 «Об утверждении Правил осуществления единовременной денежной выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС «Гарант»

[3] Приказ Министра обороны РФ от 19 декабря 2022 г. № 780 «Об определении Порядка осуществления ежемесячной социальной выплаты гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» // СПС «Гарант»

[4] Письмо Федерального бюро медико-социальной экспертизы Минтруда России от 1 ноября 2023 г. № 60474.ФБ.77/2023 «Информационное письмо по вопросу разработки ИПРА гражданам из числа участников специальной военной операции разработки», Приказ Министра обороны РФ от 15 марта 2011 г. № 333 «О порядке санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации» // СПС «Гарант»

[5] Социальная защита и поддержка участников СВО и членов их семей // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – https://mil.ru/svo_social.htm (режим доступа: 05.12.2024)

[6] Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Чащина Т.В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей. Социально-трудовые исследования. – 2024. – №54(1). – С. 138-146.

[7] Журавлева М.А., Берестова Л.И. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО. Государственная служба. – 2023. – №25. – С. 88-93.

[8] Кирьянова О.В. Социальная защита военнослужащих проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 57-59.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 28 marta 1998 g. № 52-FZ «Ob obyazatel'nom gosudarstvennom strahovanii zhizni i zdorov'ya voennosluzhashchih, grazhdan, prizvannyh na voennye sbory, lic ryadovogo i nachal'stvuyushchego sostava organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby, sotrudnikov uchrezhdenij i organov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy, sotrudnikov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, sotrudnikov organov prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii» // SPS «Garant»

[2] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 marta 2023 g. № 386 «Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya edinovremennoj denezhnoj vyplaty voennosluzhashchim, prohodyashchim voennuyu sluzhbu po kontraktu v vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // SPS «Garant»

[3] Prikaz Ministra oborony RF ot 19 dekabrya 2022 g. № 780 «Ob opredelenii Poryadka osushchestvleniya ezhemesyachnoj social'noj vyplaty grazhdanam Rossijskoj Federacii, prizvannym na voennuyu sluzhbu po mobilizacii v Vooruzhennye Sily Rossijskoj Federacii» // SPS «Garant»

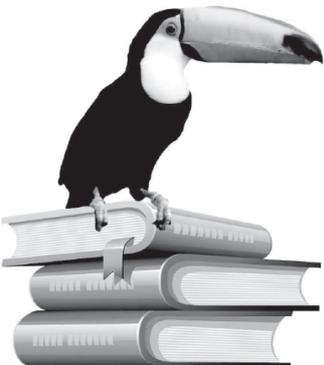
[4] Pis'mo Federal'nogo byuro mediko-social'noj ekspertizy Mintruda Rossii ot 1 noyabrya 2023 g. № 60474.FB.77/2023 «Informacionnoe pis'mo po voprosu razrabotki IPRA grazhdanam iz chisla uchastnikov special'noj voennoj operacii razrabotki», Prikaz Ministra oborony RF ot 15 marta 2011 g. № 333 «O poryadke sanatorno-kurortnogo obespecheniya v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii» // SPS «Garant»

[5] Social'naya zashchita i podderzhka uchastnikov SVO i chlenov ih semej // Oficial'nyj sayt Ministerstva oborony Rossijskoj federacii. – [Elektronnyj resurs]. – https://mil.ru/svo_social.htm (rezhim dostupa: 05.12.2024)

[6] Bobkov V.N., Odincova E.V., Chashchina T.V. O social'nyh garantiyah uchastnikov special'noj voennoj operacii i chlenov ih semej. Social'no-trudovye issledovaniya. – 2024. – №54(1). – С. 138-146.

[7] Zhuravleva M.A., Berestova L.I. Prioritety gosudarstvennoj politiki po organizacii social'noj zashchity uchastnikov SVO. Gosudarstvennaya sluzhba. – 2023. – №25. – С. 88-93.

[8] Kir'yanova O.V. Social'naya zashchita voennosluzhashchih problemy pravovogo regulirovaniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 7(223). – С. 57-59.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025
Дата принятия рукописи в печать: 04.06.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-2-20-25

ЧУБАБРИЯ Константин Вахтангович,
студент Крымского филиала ФГБОУВО
«РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ СООТНОШЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА, ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные теории соотношения публичного и частного права, их основные характеристики и особенности. Анализируются ключевые подходы к пониманию границ и взаимодействия этих двух правовых категорий, а также их влияние на правоприменительную практику. В работе выделяются основные теоретические концепции, существующие в разных правовых системах, и проводится сравнительный анализ их применения в контексте современных юридических реалий. Особое внимание уделяется эволюции этих теорий, их адаптации к изменениям в социально-экономической среде и правовой практике. Статья направлена на углубление понимания сложных взаимосвязей между публичным и частным правом, а также на выявление перспективных направлений для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: публичное право, частное право, правовые теории, соотношение права, правоприменительная практика, сравнительное право, юридические системы, правовая эволюция.

CHUBABRIYA Konstantin Vahtangovich,
Student of the Crimean branch
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

DOMESTIC AND FOREIGN THEORIES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE LAW, THEIR CHARACTERISTICS

Annotation. The article examines domestic and foreign theories of the relationship between public and private law, their main characteristics and features. Key approaches to understanding the boundaries and interaction of these two legal categories, as well as their impact on law enforcement practice, are analyzed. The work highlights the main theoretical concepts that exist in different legal systems and provides a comparative analysis of their application in the context of modern legal realities. Particular attention is paid to the evolution of these theories, their adaptation to changes in the socio-economic environment and legal practice. The article is aimed at deepening the understanding of the complex relationships between public and private law, as well as identifying promising areas for further research in this area.

Key words: public law, private law, legal theories, relationship of law, law enforcement practice, comparative law, legal systems, legal evolution.

Разграничение частного и публичного права остается дискуссионной проблемой юридической науки, несмотря на многочисленные публикации ведущих правоведов. Профессор М.М. Агарков подчеркивал множественность существующих научных подходов к данной дифференциации, что существенно затрудняет формирование единой теоретической концепции

[1]. Выдающийся цивилист И.А. Покровский указывал на прогрессирующую сложность разрешения этого фундаментального вопроса правовой науки, отмечая нарастающую комплексность проблематики при углубленном теоретическом анализе [13].

Обозначенная известным ученым Российской империи Г.Ф. Шершеневичем фундамен-

тальная проблема разграничения частноправовой и публично-правовой сфер продолжает вызывать значительные затруднения в современной юридической науке, поскольку определение специфических характеристик и демаркационных линий между данными областями права остается предметом научных дискуссий [18].

Современные научные изыскания демонстрируют фундаментальную методологическую сложность разграничения публично-правовых и частноправовых отношений, что обуславливает принципиальную невозможность создания универсальной теоретической модели их дифференциации [6].

Фундаментальное разграничение частного и публичного права нуждается в глубоком теоретическом осмыслении, что справедливо подчеркивал правовед М. М. Агарков в своих научных трудах [1]. Правовая мысль, выраженная И. А. Покровским, указывает на существование принципиальных различий между публичным и частным правом, которые выходят за рамки исторической случайности [13]. Юридическая наука продолжает придерживаться данной классификации как базового методологического принципа, опираясь на глубинные сущностные характеристики каждой правовой сферы [1].

Генезис и эволюция правовых систем свидетельствуют о естественном разделении права на частную и публичную сферы. Древнегреческое общество, включая профессиональных юристов и рядовых граждан, четко разграничивало эти правовые области.

Древнегреческий философ Демосфен, выступая перед афинянами, подчеркивал необходимость дифференцированного подхода к регулированию общественных отношений: гуманность законов в частноправовой сфере должна сочетаться со строгостью государственно-правовых норм для защиты общественных интересов. Философское осмысление правовой дихотомии нашло отражение в трудах Аристотеля, предложившего двойственную концепцию права через призму охраняемого субъекта. Аристотелевская классификация правонарушений основывалась на характере защищаемых интересов: преступления против личности относились к частноправовой сфере, тогда как нарушения государственных обязательств квалифицировались как посягательства на публичный порядок [7].

Классическая римская юриспруденция внесла фундаментальный вклад в формирование концепции разделения права на частное и публичное. Выдающийся правовед Древнего Рима Ульпиан сформулировал базовые принципы правовой последовательности, согласно которым юридическая наука разграничивает государственные

и индивидуальные интересы. Публичное право охватывает сферу управления римским государством, регламентируя деятельность магистратов, религиозные обряды и жреческое служение. Частноправовая область, основанная на естественных, народных и гражданских предписаниях, регулирует взаимоотношения между отдельными гражданами. Римская правовая доктрина установила четкую грань между общественной пользой и частными преимуществами, заложив основы современного правопонимания [3].

Древнеримские Законы XII таблиц закрепили юридическую силу частных договоренностей между гражданами касательно имущественных отношений и займов, придавая им статус правовых норм наравне с государственными установлениями [11]. Частноправовая автономия субъектов ограничивалась рамками публичного права, устанавливающего обязательные для всех предписания, неподвластные изменению отдельными лицами. Знаменитый римский юрист Папиниан сформулировал фундаментальный принцип верховенства публичного права над частными соглашениями («*jus publicum privatorum pactis mutari non potest*») [17].

Таким образом, разграничение публичного и частного права, предложенное Ульпианом через призму общественной пользы, создало фундаментальную основу для правовой классификации, хотя последующие поколения правоведов подвергали критике недостаточную аргументированность данного подхода: «...нет такого юридического явления, которое бы не имело в одно и то же время и публичного, и частного характера; тот и другой зависят лишь от точки зрения на один и тот же предмет» [8]. Многогранная природа юридических феноменов неизменно проявляет дуалистический характер, где публичные и частные элементы существуют параллельно, а их восприятие определяется исключительно ракурсом правового анализа конкретного явления. В процессе европейской правовой эволюции систематизация римского права обогатилась множеством новых смысловых пластов континентальной юридической традиции. Античная философская мысль о равноправии служила фундаментальным обоснованием разделения правовых норм на публичные и частные.

Многогранность феномена разграничения публичного и частного права порождает широкий спектр научных воззрений относительно природы данного явления. Классификационный анализ существующих концепций правового дуализма позволяет систематизировать накопленный теоретический материал. Современная юридическая доктрина выделяет несколько фундаментальных теоретических подходов к вопросу демаркации частноправовой и публич-

но-правовой сфер. В настоящее время выделяют следующие теории разграничения публичного и частного права:

1. Материальные теории:

Первая концепция, развитая российским ученым XIX века Г. Ф. Шершеневичем, согласно учению Ульпиана, базируется на характере защищаемых правом интересов, где публичное право обеспечивает общественные потребности, а частное направлено на защиту индивидуальных прав.

Вторая концепция, представленная трудами Д. И. Мейера, определяет разграничение через природу регулируемых отношений: публичная сфера охватывает весь спектр имущественных и неимущественных взаимодействий, тогда как частноправовое регулирование преимущественно касается имущественных отношений и монетизируемых неимущественных объектов [9].

В рамках теоретического разделения правовых систем материально-правовая концепция акцентирует внимание на фундаментальных различиях регулируемых общественных отношений. Ученые-правоведы, исследующие данную проблематику, выделяют существенное разграничение между сферами регулирования публичного и частного права, основываясь на природе защищаемых правовых интересов многочисленных субъектов правоотношений.

2. Формальные теории основываются на фундаментальном разграничении механизмов реализации частных и публичных прав. Субъекты частноправовых отношений самостоятельно иницируют процедуры защиты своих законных интересов, выступая ключевыми факторами юридического процесса. Защита публичных правоотношений характеризуется расширенным кругом уполномоченных субъектов, включающим как непосредственных участников правоотношений, так и специально назначенные государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями.

Концепция разграничения частного и публичного права, разработанная выдающимся российским правоведом XIX века С.А. Муромцевым, основывается на фундаментальном принципе инициативности правовой защиты. Публичное право характеризуется самостоятельным вступлением государственных органов в процесс защиты правовых интересов, тогда как гражданско-правовая сфера подразумевает активацию правозащитного механизма исключительно по обращению физических или юридических лиц. Данный формальный критерий дифференциации правовых отраслей создает четкую методологическую основу для систематизации юридических норм.

В теории разграничения правоотношений существенное значение приобретает статус участвующих субъектов. Равноправное положение сторон характеризует частноправовые отношения, где субъекты подчиняются единому правовому регулированию. Публичные правоотношения отличаются наличием властного элемента, при котором один из субъектов обладает юридически закрепленными полномочиями по отношению к другим участникам правового взаимодействия [10];

В разграничении частного и публичного права существенное значение приобретает правовой статус участников правоотношений. Философско-правовая концепция правоведа Е. Н. Трубецкого раскрывает фундаментальное различие между положением субъекта в частноправовых и публично-правовых отношениях. Частноправовые отношения характеризуются автономностью правового положения физических лиц, тогда как публично-правовая сфера определяет зависимое положение индивида относительно социальной общности. Данный критерий дифференциации позволяет выявить специфические признаки каждой правовой области [16];

В соответствии с концепцией дифференциации правовых предписаний по степени обязательности выделяются различные механизмы реализации волеизъявления субъектов правоотношений. Диспозитивные нормы права предоставляют участникам частноправовых отношений возможность самостоятельно определять варианты своего поведения, тогда как альтернативные правовые нормы устанавливают пределы усмотрения субъектов публичного права при осуществлении властных полномочий. Данная теоретическая конструкция позволяет разграничить сферы применения различных типов правовых норм в зависимости от характера регулируемых общественных отношений.

Выдающийся цивилист И.А. Покровский выделял фундаментальное различие между характером норм публичного и частного права. Нормы публичного права характеризуются строгой императивностью (*jus cogens*), вследствие чего полномочия представителей государственной власти приобретают обязательственную природу, а уклонение от их реализации квалифицируется как противоправное бездействие. Нормы частного права преимущественно носят диспозитивный характер (*jus dispositivum*), допуская возможность замещения установленных правил индивидуальными договоренностями субъектов правоотношений [14].

3. Смешанные теории (теории, объединяющие материальный и формальный критерии).

Современные правовые подходы к пониманию природы актов международного права бази-

руются на комплексном сочетании материальных и формальных критериев. Данная концепция позволяет всесторонне оценивать международные документы через призму их содержательных характеристик и процедурных аспектов принятия. Юридическая доктрина рассматривает взаимодействие внутренних элементов нормативных актов как единую систему правового регулирования, где каждый компонент дополняет общую структуру международного законодательства. Методологический анализ смешанных теорий раскрывает многогранность подходов к определению правовой природы международных документов, учитывая специфику их формирования и практического применения. Научное сообщество признает необходимость комбинированного подхода при классификации международно-правовых актов, основываясь на совокупности существенных признаков и формальных требований к их разработке [18].

Основоположник теоретического учения об интересах юриспруденции Рудольф фон Иеринг акцентировал внимание научного сообщества на существенной ограниченности категориального аппарата интереса при разграничении частноправовой и публично-правовой сфер. Субъективное право, согласно концептуальному подходу ученого, требует комплексного рассмотрения через призму материально-процессуальных аспектов, включающих защитные механизмы и исковые требования. Профессор Г.Ф. Шершеневич, развивая материальную теорию права, выделял определяющие признаки частноправовых отношений через субъектный состав физических лиц и доминирование частных интересов в содержательном наполнении правоотношений [12].

4. Теории, отрицающие деление права на частное и публичное.

Отсутствие единого подхода к дифференциации публичного и частного права привело к возникновению радикального скептицизма среди правоведов относительно принципиальной возможности решения данной проблемы.

Научные исследования Д.Д. Гримма демонстрируют принципиальную невозможность теоретического обоснования разделения правовых норм на публичные и частные. Выдающийся правовед предлагает ограничиться простым перечислением правовых институтов, относящихся к каждой области права. По мнению ученого, существующая классификация правовых институтов сформировалась исключительно под влиянием практических потребностей юриспруденции, лишена научной значимости и объединяет несопоставимые юридические феномены при одновременном разделении сходных правовых явлений [6].

Законодательная система современного государства представляет собой единый механизм регулирования общественных отношений. Монистический подход к пониманию правовой природы законодательства, выдвинутый правоведом П.А. Сорокиным, основывается на государственном интересе в регламентации всех сфер жизни общества, включая семейные, имущественные и наследственные правоотношения [15].

Публичный характер нормативного регулирования проявляется через властные предписания государства независимо от регулируемой области отношений. Экономико-политическая аргументация А. Г. Гойхбарга отвергает традиционную дихотомию права на частное и публичное [5].

Методологический анализ ученого А. В. Васильева демонстрирует единство происхождения, формы и содержания правовых норм, утверждая невозможность разграничения публично-правовой и частноправовой сфер регулирования [4].

Государственное санкционирование выступает универсальным признаком правовых предписаний, обеспечивая целостность системы законодательства

Научный исследователь Б. Б. Черепяхин метко отразил парадоксальность позиции некоторых правоведов, включая Гойхбарга, которые, отвергая дуализм права и провозглашая отсутствие частноправовой сферы, одновременно призывали к упразднению частного права, тем самым демонстрируя логическую несостоятельность собственных теоретических построений [19].

Научное обоснование разграничения права на публичное и частное базируется на множественности концептуальных подходов, каждый из которых несет определенную методологическую ценность для правовой науки. Комплексное применение теории субъектного состава правоотношений совместно с концепцией дифференциации правовых норм демонстрирует значительную эффективность при проведении классификации правовых институтов. Методологическая ценность существующих теорий требует признания их научной состоятельности для максимально полного использования потенциала каждой концепции при решении фундаментальных вопросов правовой системы.

Идеологические воззрения различных правоведов существенно повлияли на формирование концепции дуализма права. Философско-политическая составляющая данной теории сохраняет актуальность и при современном правопонимании. В настоящее время дискуссионный характер определения границ властных полномо-

чий государства относительно личности остается ключевым вопросом правовой науки. Политическая природа разделения частного и публичного права выступает неотъемлемым элементом научных исследований, демонстрируя глубинные взаимосвязи правовой и политической систем общества.

Стоит подчеркнуть, что современная трактовка этих правовых категорий значительно отличается от изначальных концепций, сформированных в античную эпоху. Теоретико-правовая наука продолжает исследовать объективные критерии разграничения двух самостоятельных правовых сфер, анализируя глубинные основания их автономности через призму фундаментальных ценностей и социального предназначения права [2].

Таким образом, анализ современной системы права показывает, что традиционное деление на частное и публичное право становится менее четким, так как возникают новые правовые институты и отрасли, которые сочетают в себе черты обоих типов регулирования; это приводит к формированию смешанных (частно-публичных) отраслей права, где императивный и диспозитивный методы взаимодействуют для достижения сбалансированного регулирования сложных общественных отношений, при этом такой подход позволяет более эффективно защищать как частные, так и публичные интересы в условиях развития рыночной экономики и демократического государства, сохраняя при этом базовые начала правовой системы и обеспечивая необходимую гибкость правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Агарков М.М. Ценность частного права / М.М. Агарков // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 29-36.
- [2] Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2002. – 312 с.
- [3] Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
- [4] Васильев А.В. Публичное и частное в праве / А.В. Васильев // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 10. – С. 9-14.
- [5] Гойхбарг А. Г. Очерки преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах. М., 1925. 39 с.
- [6] Гримм Д. Д. Курс римского права. СПб., 1904. Вып. 1. 319 с.
- [7] Демосфен. Речи: в 3-х т. – Т. 1. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 480 с.
- [8] Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы? / К.Д. Кавелин // Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Зерцало, 2003. – С. 42-58.

[9] Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. – Ч. 1./Д.И. Мейер – М.: Статут, 1997. – 290 с.

[10] Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб., 1879. 350 с.

[11] Папиниан. Дигесты (2.14.38) // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.

[12] Пименова Е.Н. Основные теории разграничения частного и публичного права / Е.Н. Пименова // Актуальные проблемы права: материалы Междунар. науч. конф. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2013. – С. 95-98.

[13] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права/ И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 352 с.

[14] Покровский И. А. История римского права. СПб., 1999. 368 с.

[15] Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 91-93.

[16] Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.

[17] Ульпиан. Дигесты (1, 1, 1, 2) // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – С. 45-48.

[18] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) /Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.

[19] Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926. 284 с.

Spisok literatury:

- [1] Agarkov M.M. Cennost' chastnogo prava / M.M. Agarkov // Pravovedenie. – 1992. – № 1. – S. 29-36.
- [2] Alekseev S.S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya/ S.S. Alekseev. – M.: Norma, 2002. – 312 s.
- [3] Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. – Minsk: Literatura, 1998. – 1392 s.
- [4] Vasil'ev A.V. Publichnoe i chastnoe v prave / A.V. Vasil'ev // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2008. – № 10. – S. 9-14.
- [5] Gojhbarg A. G. Ocherki preobrazovaniya zemel'nogo i grazhdanskogo prava v burzhuznyh gosudarstvah. M., 1925. 39 s.
- [6] Grimm D. D. Kurs rimskogo prava. SPb., 1904. Vyp. 1. 319 s.
- [7] Demosfen. Rechi: v 3-h t. – T. 1. – M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1994. – 480 s.
- [8] Kavelin K.D. Chto est' grazhdanskoe pravo i gde ego predely? / K.D. Kavelin // Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu. – M.: Zercalo, 2003. – S. 42-58.
- [9] Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. – Ch. 1./D.I. Mejer – M.: Statut, 1997. – 290 s.

[10] Muromcev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. SPb., 1879. 350 s.

[11] Papinian. Digesty (2.14.38) // Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana. M., 1997.

[12] Pimenova E.N. Osnovnye teorii razgraničeniya chastnogo i publichnogo prava / E.N. Pimenova // Aktual'nye problemy prava: materialy Mezhdunar. nauch. konf. – M.: Vash poligraficheskij partner, 2013. – S. 95-98.

[13] Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava/ I.A. Pokrovskij. – M.: Statut, 1998. – 352 s.

[14] Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava. SPb., 1999. 368 s.

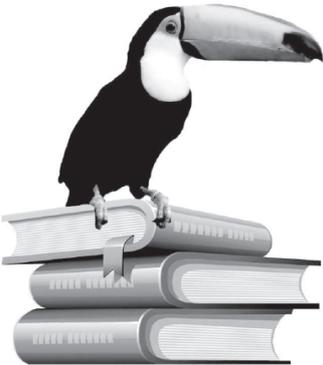
[15] Sorokin P. A. Elementarnyj uchebnyj obshchej teorii prava v svyazi s teoriej gosudarstva. Yaroslavl', 1919. S. 91-93.

[16] Trubeckoj E. N. Enciklopediya prava. SPb., 1998.

[17] Ul'pian. Digesty (1, 1, 1, 2) // Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana. – M.: Zercalo, 1997. – S. 45-48.

[18] Shershenevich G.F. Uchebnyj russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.) /G.F. Shershenevich. – M.: Spark, 1995. – 556 s.

[19] Cherepahin B. B. K voprosu o chastnom i publichnom prave. Irkutsk, 1926. 284 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2025
Дата принятия рукописи в печать: 04.06.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-2-26-29

КИСЕЛЁВ Владислав Вячеславович,
аспирант, Московский университет имени С.Ю.Витте,
e-mail: vladislavkiselev2797@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена эволюции законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации, с акцентом на исторические этапы и современные тенденции. Рассматриваются ключевые реформы XX века, переход к рыночной экономике и необходимость законодательных изменений. Особое внимание автором уделяется введению процедур реструктуризации долгов, цифровизации процессов и внедрению моделей частичной амнистии, способствующих социальной реабилитации граждан и снижению долговой зависимости. Предложены пути дальнейшего совершенствования правовых механизмов банкротства физических лиц.

Ключевые слова: банкротство, физические лица, реструктуризация долгов, социальная реабилитация, цифровизация.

KISELEV Vladislav Vyacheslavovich,
postgraduate student,
Moscow University named after S. Yu. Witte

THE EVOLUTION OF LEGISLATION ON PERSONAL BANKRUPTCY IN THE RUSSIAN FEDERATION: A HISTORICAL OVERVIEW AND CONTEMPORARY TRENDS

Annotation. This article is dedicated to the evolution of legislation on personal bankruptcy in the Russian Federation, with a focus on historical stages and contemporary trends. It examines key reforms of the 20th century, the transition to a market economy, and the need for legislative changes. The author pays special attention to the introduction of debt restructuring procedures, digitalization of processes, and the implementation of partial amnesty models, which contribute to the social rehabilitation of citizens and reduction of debt dependence. The article suggests ways to further improve the legal mechanisms of personal bankruptcy.

Key words: bankruptcy, individuals, debt restructuring, social rehabilitation, digitalization.

В последние десятилетия законодательство о банкротстве физических лиц в Российской Федерации претерпело значительные изменения, что обусловлено как изменениями в экономической ситуации, так и развитием правовых механизмов, направленных на обеспечение прав граждан. Актуальность исследования заключается в необходимости глубокого анализа эволюции данного законодательства, поскольку оно имеет непосредственное влияние на финан-

совое благополучие граждан и стабильность экономической системы в целом. Целью данной работы является исследование изменений в законодательстве о банкротстве физических лиц в России, с акцентом на исторические аспекты и современные тенденции. Задачами исследования являются анализ ключевых этапов формирования института банкротства, выявление факторов, способствующих его реформированию, а также оценка текущих проблем и перспектив развития

законодательства в данной области. Методология исследования основана на историко-правовом и формально-юридическом анализе.

Исторический обзор законодательства о банкротстве в России позволяет проследить развитие правовых норм, регулирующих отношения между должниками и кредиторами на протяжении веков. В древнерусском праве отношения, связанные с долговыми обязательствами, были тесно связаны с моральными и социальными нормами.

Так, в Псковской судной грамоте [7] уже встречались положения, регулирующие очередность удовлетворения требований кредиторов и выделение приоритетов для государства. Например, в статье 93 указано, что если должник скрывается, то все расходы, связанные с его задержанием – включая вознаграждение приставам и другие судебные расходы – взыскиваются с виновного, то есть с должника, который скрывался. Это можно интерпретировать как норму, регулирующую приоритет взыскания судебных издержек и долгов перед другими требованиями.

Однако эти нормы носили достаточно неопределенный и фрагментарный характер, не охватывая всех аспектов банкротства, и не делали различий между видами несостоятельности. В то время долговая система носила «более личный характер, и регулировались она часто с точки зрения защиты интересов местных властей и кредиторов» [5, с. 62].

С развитием торговых отношений в России и ростом числа предпринимателей, особенно в XVIII-XIX веках, появился реальный спрос на более систематическое регулирование банкротств. В 1740 году был принят Банкротский устав, который стал первым шагом к формализации процедур банкротства в России. Этот акт, однако, носил узкий характер, регулируя банкротства только среди торговцев, в то время как вопросы несостоятельности среди других категорий граждан оставались неурегулированными.

В последующие десятилетия законодательство о банкротстве продолжало развиваться, но оставалось сословным и применимым в основном к купцам и мещанам. Принятый в 1800 году Устав о банкротах стал важным шагом в разграничении торговой и неторговой несостоятельности, однако он оставался ограниченным и по правовому статусу должников, и по возможностям реструктуризации долгов. Серьезное расширение прав и обязанностей сторон в банкротных делах произошло только в XIX веке, когда «российский законодатель начал делать попытки урегулировать отношения между частными лицами и государственными кредиторами более детально» [3, с. 47].

В Российской империи банкротство дворян регулировалось особыми нормами, учитывавшими их сословный статус и обязательства перед государством и частными кредиторами. В отличие от купечества, для которого действовали торговые уставы, дворяне, особенно крупные землевладельцы, зачастую оказывались в долговой зависимости из-за неудачного ведения хозяйства, закладывая свои имения в государственных и частных банках. В случае финансовой несостоятельности дворянство несло не только экономические, но и социальные последствия: неспособность расплатиться с долгами могла привести к утрате земельных владений и, в редких случаях, к потере дворянского статуса. Однако в силу сословных привилегий существовали механизмы защиты: дворяне могли добиваться реструктуризации задолженности через государственные институты, а их земли часто переходили под управление опекунов советов.

С переходом к социалистическому государству в начале XX века концепция личного банкротства претерпела кардинальные изменения. Развитие института банкротства физических лиц в Советской России происходило в условиях централизованного планирования экономики, где основной акцент делался на государственное регулирование всех экономических процессов. В первые годы после Октябрьской революции банкротство физических лиц было фактически исключено из правового оборота, поскольку в условиях плановой экономики не было необходимости в институтах, позволяющих гражданам объявлять себя несостоятельными.

В советской правовой системе банкротство рассматривалось как явление, противоречащее идеологии социалистического государства, которое, по мнению властей, должно было гарантировать всем гражданам доступ к труду и государственным ресурсам.

К 1930-м годам экономическая система Советского Союза усложнилась, а вместе с этим возросла потребность в регулировании долговых обязательств граждан. Однако в условиях плановой экономики вопрос банкротства физических лиц не воспринимался как значимый, поскольку государство стремилось контролировать основные финансовые потоки и не допускало ситуации, в которой граждане могли бы формально признать свою несостоятельность.

Вместо правовых механизмов, позволяющих списание или реструктуризацию долгов, существовала жесткая система ответственности за невыполнение финансовых обязательств, в том числе принудительное взыскание задолженности. Несмотря на это, уже в поздний советский период, особенно к концу 1980-х годов, стали

появляться признаки осознания необходимости законодательного оформления несостоятельности физических лиц, что во многом было связано с либерализацией экономической системы в рамках перестройки.

С распадом СССР и переходом России к рыночной экономике в 1990-х годах стало очевидным, что действующие правовые механизмы не соответствуют новой экономической реальности. Централизованный контроль над финансами уступил место системе свободных рыночных отношений, что привело к резкому росту числа должников, оказавшихся в сложном финансовом положении.

Старые методы взыскания задолженностей, основанные на административном принуждении, утратили эффективность, а правовая база, способная урегулировать взаимоотношения между кредиторами и должниками в рыночных условиях, отсутствовала. В этих условиях необходимость разработки законодательства о банкротстве физических лиц стала очевидной, однако процесс создания эффективных норм затянулся, поскольку государство первоначально сосредоточилось на регулировании банкротства предприятий, оставляя вопросы финансовой несостоятельности граждан без должного внимания.

В 1992 году был принят Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу) [1], который стал основой для регулирования банкротства юридических лиц в России. Однако этот закон не предусматривал возможность банкротства для физических лиц, что становилось проблемой на фоне растущих долгов и финансовых кризисов. В отсутствие четких правовых механизмов граждане и предприниматели сталкивались с невозможностью справиться с финансовыми трудностями. Законодательство, ориентированное на рынок, требовало создания новых норм и процедур, которые бы учитывали потребности физических лиц в финансовом восстановлении, а не только в ликвидации их долгов.

Новые экономические реалии потребовали, чтобы законодательство не только урегулировало вопросы реструктуризации долгов, но и обеспечивало защиту интересов всех сторон в процессе банкротства. Это стало очевидным после кризиса 1998 года, когда многие физические лица, оказавшиеся в долговой яме, не имели средств для погашения своих обязательств. Законодательная инициатива начала изменяться в сторону большей гибкости. В 2002 году был принят Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2], который частично предусматривал возможность банкротства физических лиц, но реальные изменения наступили только в 2015 году, когда были при-

няты новеллы о банкротстве граждан, обеспечивающий им процедуру реструктуризации долгов и возможность завершить процедуру с частичным списанием долгов.

Это стало значимым шагом на пути создания эффективной правовой системы, способной регулировать финансовые отношения в рыночной экономике.

Современные тенденции в законодательстве о банкротстве физических лиц в России в последние годы направлены на развитие более гибких и социально ориентированных моделей, обеспечивающих не только правовую, но и социальную реабилитацию граждан, столкнувшихся с финансовыми трудностями.

Одним из значимых шагов стало введение института «прощения долгов» для граждан, которое позволяет значительно снизить долговую нагрузку и дать шанс на восстановление финансовой стабильности. В рамках этой модели банкротства физические лица, не имеющие возможности погасить свои обязательства, могут освободиться от части долгов через судебные процедуры. Это положительно влияет на социальную адаптацию граждан, «предоставляя им шанс вернуться к полноценной экономической деятельности без ущерба для их репутации и жизненных перспектив» [4, с. 30].

Еще одной важной тенденцией является внедрение цифровых платформ для подачи заявлений и онлайн-прозрачности процедур банкротства. Россия с развитием технологий шагнула в сторону цифровизации процессов, связанных с банкротством физических лиц. Платформы для подачи заявлений значительно упрощают процесс для граждан, обеспечивая доступность и оперативность подачи заявок на банкротство. Внедрение таких платформ также повышает уровень прозрачности процедур, что позволяет избежать коррупционных рисков и повысить доверие граждан к системе.

Перспективы изменения подхода к полному ликвидации долгов также становятся важным направлением в реформировании законодательства о банкротстве физических лиц. В последнее время набирает популярность идея «частичной амнистии» долгов для наиболее уязвимых категорий граждан, таких как многодетные семьи, инвалиды, пенсионеры, а также те, кто оказался в долговой яме по независящим от него причинам, например, из-за экономических кризисов или природных катастроф.

В отличие от полной ликвидации долгов, частичная амнистия позволяет сохранить часть долгов, которые могут быть погашены в течение длительного времени или через установление более лояльных условий. Такой подход способствует социальной стабильности, позволяя

«гражданам восстановить свою финансовую самостоятельность и сохранить отношения с кредиторами, не нарушая закон» [6, с. 10].

Дальнейшее реформирование института банкротства физических лиц целесообразно направить на создание дифференцированного подхода, учитывающего финансовую несостоятельность и социальное положение должника. Введение механизма «социальной амнистии» позволит эффективнее интегрировать граждан в экономическую жизнь, снижая риски долговой зависимости и создавая условия для их полноценной социальной реабилитации.

Можно сделать вывод, что эволюция законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации отражает значительные изменения в экономической и социальной политике страны, переход от централизованной плановой экономики к рыночным отношениям. Современные тенденции свидетельствуют о стремлении создать более гибкую и социально ориентированную систему для финансовой несостоятельности граждан. Введение механизмов реструктуризации долгов, цифровизация процедур и развитие моделей частичной амнистии долгов открывают новые перспективы для восстановления финансовой стабильности граждан и их социальной реабилитации. Однако для дальнейшего совершенствования законодательства необходимо продолжать развивать институциональные и правовые механизмы поддержки наиболее уязвимых слоев населения.

Список литературы:

[1] Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу) // Российская газета. № 279. 30.12.1992.

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.

[3] Кубалова В.Г. История развития института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 44-48.

[4] Милов П.О. Банкротство физических лиц: проблемы реализации, трансформация и современная правоприменительная практика // Вестник Академии права и управления. 2023. № S4.1 (75). С. 28-32.

[5] Милов П.О., Андреев А.А. Историко-правовые подходы к формированию института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Право и общество. 2024. № 1 (39). С. 61-64.

[6] Нестерова Т.И., Сайфетдинова А.Ф. Несостоятельность, банкротство гражданина. М.: Проспект, 2024. 96с.

[7] Псковская судная грамота. 1397-1467 гг. // Псковская судная грамота: Свод законов Псковской земли / Пер. Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева. М., 2001. 120с.

Spisok literatury:

[1] Zakon RF ot 19.11.1992 № 3929-1 «O nesostojatel'nosti (bankrotstve) predprijatij» (utratal silu) // Rossijskaja gazeta. № 279. 30.12.1992.

[2] Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 26.12.2024) «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» // Rossijskaja gazeta. № 209-210. 02.11.2002.

[3] Kubalova V.G. Istorija razvitija instituta nesostojatel'nosti (bankrotstva) fizicheskikh lic v Rossii // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. 2019. № 2. S. 44-48.

[4] Milov P.O. Bankrotstvo fizicheskikh lic: problemy realizacii, transformacija i sovremennaja pravoprimenitel'naja praktika // Vestnik Akademii prava i upravljenija. 2023. № S4.1 (75). S. 28-32.

[5] Milov P.O., Andreev A.A. Istoriko-pravovye podhody k formirovaniju instituta bankrotstva fizicheskikh lic v Rossijskoj Federacii // Pravo i obshhestvo. 2024. № 1 (39). S. 61-64.

[6] Nesterova T.I., Sajfetdinova A.F. Nesostojatel'nost', bankrotstvo grazhdanina. M.: Prospekt, 2024. 96s.

[7] Pskovskaja sudnaja gramota. 1397-1467 gg. // Pskovskaja sudnaja gramota: Svod zakonov Pskovskoj zemli / Per. L.V. Cherepnina i A.I. Jakovleva. M., 2001. 120s.

ОВАНЕСОВ Борис Карэнович,
Магистрант Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
адвокат практики «Разрешение споров»
Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «Pen&Paper»,
e-mail: boris28.ova@gmail.com

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы, возникающие при реализации альтернативных способов разрешения споров, анализируется текущая статистика, а также законодательное регулирование, влияющее на эффективность и справедливость существующего правового механизма. Особое внимание уделяется вопросам развития альтернативных способов разрешения споров в российском правовом порядке.

Ключевые слова: альтернативные методы разрешения споров, гражданско-правовая ответственность, судебная практика, медиация, арбитраж.

OVANESOV Boris Karenovich,
Master's student of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
lawyer of the Dispute Resolution practice
of the St. Petersburg Bar Association Pen & Paper

ALTERNATIVE METHODS OF DISPUTE RESOLUTION IN THE CONTEXT OF CIVIL LIABILITY OF ENTREPRENEURS: ADVANTAGES AND LIMITATIONS

Annotation. The article examines the key problems that arise in the implementation of alternative dispute resolution methods, analyzes current statistics, as well as legislative regulation that affects the effectiveness and fairness of the existing legal mechanism. Particular attention is paid to the development of alternative ways to resolve disputes in the Russian legal order.

Key words: alternative methods of dispute resolution, civil liability, judicial practice, mediation, arbitration.

В условиях современной российской рыночной экономики предпринимательское сообщество демонстрирует повышенный интерес к внедрению более подходящих к разрешению споров, альтернативных судебным: всё более востребованными становятся переговоры, медиация (посредничество) и третейское разбирательство. Несмотря на то, что в международной практике данные механизмы доказали свою эффективность, в отечественной предпринимательской среде альтернативные способы разрешения споров только начинают осваиваться. Этот процесс сталкивается с рядом объективных и субъективных ограничений.

Представляется, что в современной России предприниматели пока мало прибегают к альтернативным методам разрешения споров. Как отмечает С. Лазарев, число споров, урегулированных вне суда, практически ничтожно: в стране «медиация и арбитраж фактически не используются» [18]. Анализ судебной статистики ВС РФ подтверждает эту тенденцию: в 2015 г. из 15,8 млн рассмотренных гражданских дел медиация применялась лишь в 1 115 случаях (0,007 %), а в арбитражных судах – всего в 44 делах [7]. По мнению В.В. Момотова, институт медиации «фактически не функционирует» – им пользуются менее чем в 0,01 % гражданских споров [14].

Существенный вклад в такую низкую популярность вносит сочетание факторов: отсутствие осведомлённости о механизмах альтернативного разрешения спора, «патерналистские настроения» сторон, быстрый и недорогой доступ к государственному суду и даже желание использовать примирение лишь ради затягивания процесса [14]. Как указывает С. Лазарев, распространению альтернативных методов разрешения споров мешают также формальное сохранение монополии государства на разрешение споров и неэффективные механизмы популяризации внесудебных процедур [18]. Отсюда крайне мала доля случаев урегулирования дел через медиацию или третейский суд в деловом обороте.

Переговоры в ходе досудебного урегулирования спора – наиболее распространённая форма альтернативного разрешения споров в предпринимательской деятельности. Законодательство России во многих случаях обязывает предпринимателей предварительно направить претензию контрагенту, прежде чем обращаться в суд. В 2019 года в арбитражном процессе требования к соблюдению претензионного порядка урегулирования спора (ч. 5 ст. 4 АПК РФ) были усилены; Верховный Суд Российской Федерации в 2021 году по этому поводу выпустил специальное разъяснение [3]. По мнению А.А. Зимасовой и Г.Е. Галеевой, переговоры перед обращением в суд позволяют предпринимателям существенно сократить сроки разрешения споров и уменьшить финансовые затраты, связанные с судебными расходами [11]. Вместе с тем на практике стороны не всегда демонстрируют намерение достигнуть компромисса и используют досудебные переговоры исключительно для затягивания процесса или соблюдения формальных требований закона: по справедливому замечанию Л.А. Геготаулиной и А.А. Самборко, при наличии острого конфликта переговорный процесс нередко становится неэффективным, и тогда единственным вариантом остаётся судебное разбирательство [9]. Представляется, что развитие культуры досудебного урегулирования и повышение ответственности сторон за злоупотребление своими процессуальными правами может способствовать более широкому использованию переговоров в предпринимательских спорах, разгружая тем самым судебную систему России.

Медиация, или посредничество, в России официально регулируется Федеральным законом № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года [2]. По мнению П.М. Панфиловой, распространение этого института в предпринимательской практике остаётся ограниченным [15]. Одной из причин такого положения является добровольный характер медиации: без согласия обеих сторон начать медиативную процедуру невозможно. Итогом успешной

медиации становится медиативное соглашение, обладающее статусом гражданско-правового договора. Но для придания ему исполнительной силы требуется нотариальное удостоверение (см. ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1) [1]. Выходит, в России существует проблема недостаточного доверия предпринимателей к медиации, которая усугубляется нехваткой профессионально подготовленных медиаторов. Л.А. Геготаулина отмечает, что российские компании начинают включать в договоры медиативные оговорки, предусматривающие обязательное обращение к медиатору перед судебным разбирательством. Представляется, что для более активного использования медиации необходимо решать проблемы, связанные с низкой информированностью предпринимателей о преимуществах и специфике этой процедуры, а также повышать уровень подготовки медиаторов, чтобы обеспечить доверие участников рынка к результатам медиативного процесса.

Третейское разбирательство, или арбитраж, представляет собой негосударственную форму разрешения споров, при которой стороны передают конфликт на рассмотрение независимым арбитрам. Как указывает А.А. Зимасова, преимущества третейского разбирательства состоят в конфиденциальности, возможности выбора компетентных арбитров, а также в упрощении и сокращении сроков процесса в сравнении с государственным судом. Российское законодательство в этой области претерпело серьёзные изменения после принятия Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 «Об арбитраже (третейском разбирательстве)», который, по мнению И.Л. Буровой, существенно ограничил применение разовых (*ad hoc*) третейских судов, допустимых теперь преимущественно для международных коммерческих споров. Российские предприниматели могут обращаться преимущественно в постоянно действующие арбитражные учреждения, аккредитованные государством, что, с одной стороны, усилило контроль за качеством арбитражных решений, а с другой – снизило гибкость и доступность этого института для малого и среднего бизнеса. Дополнительная сложность заключается в исполнении решений третейских судов, поскольку для принудительного исполнения таких решений требуется обращение в государственный суд за получением исполнительного листа, что открывает возможность для затягивания процесса со стороны недобросовестных должников.

Альтернативное разрешение споров представляет собой особый механизм урегулирования разногласий, обладающий рядом привлекательных черт для деловой сферы. В частности, применение процедур АРС позволяет сторонам

конфликта достичь решения более оперативно и гибко, чем в рамках традиционного судебного процесса. Например, бизнес-споры посредством медиации или третейского разбирательства могут разрешаться за считанные недели или месяцы, тогда как судебное разбирательство нередко затягивается на годы. Д.В. Князев пишет, что отсутствие строгих процессуальных формальностей и возможность выбора сторонами нейтрального посредника (арбитра или медиатора) по своему усмотрению не только ускоряет разрешение дела, но и повышает доверие участников к итоговому результату [12]. Кроме того, отмечается конфиденциальный характер АРС: спор рассматривается вне публичного поля [16], что особенно важно для компаний, желающих избежать огласки коммерческой информации. Альтернативные процедуры к тому же ориентированы на достижение компромисса – в медиации, например, решение обычно взаимовыгодно и ни одна из сторон формально не проигрывает, тогда как судебное решение неизбежно приводит к победе лишь одной стороны. Благодаря консенсуальной природе таких способов, подчеркивает Н.В. Грицай, удастся сохранить деловые отношения между партнерами; вместо жесткого противостояния сторон ведется поиск общего интереса, что ценно для контрагентов, рассчитывающих продолжать сотрудничество после урегулирования спора [10]. Не случайно Н.И. Гайдаенко-Шер указывает, что механизмы АРС служат инструментом формирования более благоприятной предпринимательской среды, позволяя субъектам бизнеса разрешать конфликты «мягко» и конструктивно, без лишних репутационных и временных потерь [8]. Представляется, что такие возможности альтернативного урегулирования объективно выгодны бизнесу и поэтому все чаще привлекают внимание юридического сообщества.

Следует обратить внимание на то, что при всех обозначенных преимуществах внедрение АРС в России сталкивается с серьезными ограничениями: несмотря на наличие законодательной базы (в частности, закона о медиации и положений о третейских судах), реальные масштабы применения внесудебных способов разрешения споров остаются относительно скромными. По мнению Д.В. Князева, одной из причин является недостаточная осведомленность предприятий и граждан о самих процедурах и их потенциале [12]. Действительно, низкая правовая культура мирного урегулирования споров и недоверие к частным механизмам разрешения конфликтов долгое время тормозили распространение медиации и третейского разбирательства. Многие участники споров склонны обращаться в государственный суд просто по привычке или рассчи-

тывая на властный характер судебного решения, тогда как возможности медиации им мало знакомы. Выходит, недостаток информирования и отсутствие прочной традиции использования АРС порождают скепсис у бизнеса: предприниматели не всегда верят, что внесудебное соглашение будет столь же эффективно защищать их права, как решение суда. Кроме того, существуют и институциональные ограничения. Так, по мнению ряда исследователей, нормативная база долгое время не охватывала весь спектр альтернативных процедур. Например, прежде не было четкого регулирования некоторых примирительных форматов (переговоры при помощи судебного примирителя получили развитие лишь в последние годы), из-за чего применение таких процедур было затруднено. Помимо этого, определённые категории споров просто не подходят для АРС. Если разногласия затрагивают публичные интересы или права третьих лиц, либо содержат сложные вопросы права, то их разрешение во внесудебном порядке затруднительно или прямо запрещено законом. Так, в российской правовой системе из соображений публичного порядка установлены ограничения арбитрабельности – некоторые споры (например, связанные с банкротством, административными или семейными правоотношениями) не могут передаваться в частный арбитраж. Это сужает сферу применения третейских оговорок в договорах и снижает привлекательность АРС для бизнеса, если спор относится к неарбитражной категории.

На этом фоне особого внимания заслуживает судебная практика и позиция Верховного Суда Российской Федерации в отношении альтернативных способов разрешения конфликтов. Верховный Суд в последние годы последовательно высказывается в поддержку расширения примирительных процедур и снятия излишних барьеров для их применения. Высшая судебная инстанция видит в развитии АРС путь к разгрузке судов и повышению эффективности правосудия. В своих обзорах и разъяснениях Верховный Суд указывает судьям на необходимость активнее содействовать примирению сторон. Показательно, что такой подход фактически меняет роль суда: судья перестает быть лишь арбитром в споре и становится еще и посредником, заинтересованным в мирном урегулировании. Конкретным выражением этой позиции стали реформы, инициированные самим Верховным Судом. В частности, в 2019 году при участии Верховного Суда были внесены изменения в процессуальное законодательство, которые закрепили новый институт – судебное примирение. Теперь стороны спора вправе прибегнуть к помощи специального судебного примирителя (как правило, бывшего

судьи) прямо в рамках судебного разбирательства, чтобы попытаться урегулировать дело миром. Этот механизм дополнил уже существующую медиацию и другие процедуры, расширив возможности для внесудебного соглашения даже после подачи иска. Думается, что подобные нововведения свидетельствуют о стремлении Верховного Суда внедрить в российскую практику лучшие элементы зарубежного опыта, где известны десятки разновидностей альтернативных методов разрешения споров. В частности, Верховный Суд подтвердил недопустимость ситуаций, когда третейская оговорка полностью лишает сторону права судебной защиты: в одном из дел он согласился с выводами нижестоящих судов о ничтожности арбитражного соглашения, если оно навязывает сторонам исключительно третейский суд без возможности обратиться в государственный суд [5]. Тем самым высшая судебная инстанция даёт понять, что поддерживает развитие третейских судов и медиации лишь постольку, поскольку они не нарушают базовых гарантий прав граждан и организаций.

Думается, что дальнейшее развитие института альтернативного разрешения споров в России во многом зависит от согласованных усилий законодательной и судебной власти, а также самих участников гражданского оборота. В.И. Кузина справедливо отмечает, что преимущества АРС для бизнеса могут быть реализованы в полной мере лишь при условии преодоления существующих ограничений [13]. На практике уже зафиксированы успешные примеры внедрения альтернативных методов разрешения споров крупными компаниями. По словам С.Н. Гузя, крупный бизнес активно применяет внутренние системы медиации, как показывает положительный опыт группы компаний «Россети» [19]. Заместитель генерального директора ПАО «Россети Ленэнерго» Л.А. Акимов отметил, что внедрение корпоративной медиативной системы позволило успешно урегулировать споры, которые ранее не могли разрешиться в течение десятилетия. Подобные результаты демонстрирует и Сбербанк: по информации О.А. Сафроновой, только в 2024 году банк заключил более 80 медиативных соглашений с юридическими лицами, большая часть которых добросовестно исполняется. А.П. Породнов, первый вице-президент Свердловского союза промышленников и предпринимателей, подчеркивает наличие у бизнеса потребности в альтернативных методах разрешения споров, которые зачастую оказываются более экономичными, оперативными и конфиденциальными по сравнению с судебным процессом. Опыт коммерческой медиации постепенно распространяется и на внешние конфликты: представители «Россетей» уже успешно протестировали медиа-

цию при решении отдельных производственных споров с контрагентами и положительно оценивают перспективы ее дальнейшего применения.

Однако в секторе малого и среднего бизнеса использование альтернативных методов разрешения споров пока не получило широкого распространения. Д.Г. Чемякин поясняет, что его компания предпочитает традиционные инструменты, такие как мировые или досудебные соглашения, поскольку медиация требует согласия обеих сторон, а проще всего ее применять в конфликтах между юридическими лицами. Аналогичную позицию занимает А. Бредин, представитель торговой марки «Достаевский», который в случаях нарушения интеллектуальных прав обращается непосредственно в надзорные органы (например, Роскомнадзор), так как подобные нарушения оперативно устраняются без необходимости применения медиативных процедур [19]. При этом статистика использования внесудебной медиации носит ограниченный характер и чаще всего охватывает бытовые споры. По данным Т.Н. Овцыновой, в 2023 году лидировали семейные и наследственные конфликты (369 случаев), в то время как предпринимательские и иные категории споров насчитывали лишь 522 дела [20]. Как отмечает руководитель Центра медиации РСПП Е.Н. Ракова, чаще всего к медиаторам обращаются супруги по семейным вопросам и собственники бизнеса в контексте раздела имущества. Это позволяет предположить, что представители малого бизнеса склонны рассматривать альтернативные методы разрешения споров скорее формально, а на практике предпринимательские споры обычно решаются посредством переговоров, традиционных досудебных или судебных механизмов.

Наблюдаются и признаки роста интереса к альтернативным методам разрешения споров. В последнее время бизнес «все больше осознает эффективность и преимущества процедуры медиации» – конфиденциальность, оперативность и исполнимость договоренностей. Эксперты полагают, что повышение размеров государственных пошлин подтолкнет компании к медиации: по мнению С.В. Данейкина, теперь «компании с большим объемом судебной работы рано или поздно обратят свое внимание на медиацию» ради экономии издержек. Государственные органы также объявили о планах стимулировать внесудебное урегулирование: уже разрабатываются изменения в Закон «О медиации», направленные на то, чтобы сделать медиацию более известной бизнесу и при необходимости ввести её обязательность для ряда категорий споров. Представляется, что сочетание экономических стимулов и нормативных инициатив позволит альтернативным методам разрешения споров

быстрее распространиться в коммерческой практике. Тем не менее потребуется преодолеть «психологический барьер» – научиться договариваться и доверять новым институтам, как отмечает О.А. Сафронова [19].

Одновременно с ростом популярности альтернативных методов разрешения споров возникают и существенные искажения. Прежде всего, появились мошеннические схемы с использованием медиативных соглашений. К.Ю. Марчел указывает, что выявлены случаи легализации преступных доходов через фиктивные медиативные процедуры [21]. Так, в Свердловской области судебными актами установлено, что фирма сконструировала сделку поставки без реального бизнеса, а затем через нотариально удостоверенное медиативное соглашение «возвращала» деньги номинальному покупателю – всего около 41 млн руб. (см. решения Арбитражного суда Свердловской области по делам А60-49333/2022 и А60-49331/2022) [6]. Очевидно, что подобные злоупотребления подрывают доверие к медиации.

Не менее острым является искажение института третейского разбирательства. Как писали эксперты, до реформы 2016 г. в России существовало множество так называемых «карманных» третейских судов (сотни в каждом регионе), иногда аффилированных с одной из сторон спора. В частности, Сбербанк навязывал корпоративным заемщикам арбитраж при созданной им же организации «Центр третейского разбирательства» [22]. Эти случаи спровоцировали ужесточение требований к созданию третейских судов, однако в новое правовое поле некоторых компаний просто возникли проблемы с доверием и доступностью. По данным С. Лазарева, после реформы третейских судов в России осталось всего четыре постоянно действующих центра вместо прежних двух с лишним тысяч [18]. Нарастают противоречия и в судебной практике: по мнению ряда исследователей, Верховный Суд России в постановлении от 28 ноября 2024 г. [4] фактически ограничил применение международных арбитражных соглашений между российскими фирмами, отдав приоритет юрисдикции отечественным арбитражным судам [17].

Таким образом, выходит, что внедрение альтернативных методов разрешения споров в бизнес-среде сопряжено с балансом возможностей и проблем. С одной стороны, крупные компании начинают внутренне и внешне использовать медиацию и арбитраж как способы экономии времени и средств. С другой стороны, распространение этих институтов несёт риск «формализации» процесса (фиктивные соглашения) и создания «закрытых» арбитражных механизмов (карманные суды). По мнению экспертов, дальнейшее развитие альтернативных методов разре-

шения споров в предпринимательской практике потребует отказа от злоупотреблений, повышения прозрачности институтов и поддержки со стороны государства. Только в таких условиях альтернативные способы разрешения споров смогут стать полноценным дополнением к судебной системе в экономических спорах, а не инструментом обхода права.

Подводя итог, следует отметить, что в контексте гражданско-правовой ответственности предпринимателей альтернативные методы разрешения споров предлагают привлекательные возможности – более быстрый, экономичный и гибкий способ урегулировать разногласия. По этой причине интерес предпринимателей к АРС неуклонно растет: бизнес постепенно осваивает медиативные оговорки и арбитражные соглашения, крупные юридические фирмы и торгово-промышленные палаты активно продвигают медиацию как услугу, формируется рынок профессиональных медиаторов. Верховный Суд и законодатель внесли значимые изменения, направленные на институционализацию примирительных процедур.

Список литературы:

- [1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 13 марта 1993 г.
- [2] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.04.2025).
- [4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 305-ЭС24-13398 по делу N А40-214726/2023. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410928802/> (дата обращения 30.04.2025).
- [5] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС22-6536 по делу № А45-20132/2021 [Электронный ресурс]. / URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ae5960bd-8602-4caa-b501-aec2efc45d25/cc3c3b8b-9486-4020-9133-9c85c4eb648f/A45-20132-2021_20221121_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 05.05.2025).
- [6] Решение Арбитражного суда Свердловской области по делу А60-49331/2022 от 27 дека-

бря 2022 года [Электронный ресурс]. / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oR54kW0fzdbj/> (дата обращения 30.04.2025).

[7] Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год. Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/ (дата обращения 30.04.2025).

[8] Гайдаенко Шер Н.И. Г14 Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография / Н.И. Гайдаенко Шер; отв. ред. Н.Г. Семилютина. М., 2016. 248 с.

[9] Геготаулина Л. А., Самборко А. А. Процедура медиации как способ досудебного урегулирования коммерческих споров // *Мировая наука*. 2019. № 10(30). С. 114–120.

[10] Грицай Н.В. Особенности альтернативного разрешения споров в сфере предпринимательской деятельности // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2018. № 7(20). С. 101-106.

[11] Зимасова А.А., Галеева Г.Е. Альтернатива арбитражному судопроизводству: третейский суд и (или) медиация? // *E-Scio*. 2021. № 2. С. 37–45.

[12] Князев Д.В. Альтернативное разрешение споров: Учебное пособие. М., 2025. 209 с.

[13] Кузина В.И. Понятие, отличительные черты, преимущества и недостатки альтернативного разрешения споров // *Мониторинг правоприменения*. 2012. № 4. С. 69-72.

[14] Момотов В.В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // *Журнал российского права*. 2019. №1. С. 19-25.

[15] Панфилова П.М. Коммерческая медиация как внесудебный способ защиты прав и законных интересов предпринимателей // *Правовой альманах*. 2023. № 1. С. 38–46.

[16] Сулакшин С.С., Буянова Е.Э., Кулаков В.В. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. М., 2013. С. 213-215.

[17] Kats R., Sultanov S., Ryabova A. Russian Courts Claim Exclusive Jurisdiction Over Disputes Between Russian-Domiciled Companies: Another Blow to International Arbitration / *Kluwer Arbitration Blog*. 2025 [Электронный ресурс]. / URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2025/01/29/russian-courts-claim-exclusive-jurisdiction-over-disputes-between-russian-domiciled-companies-another-blow-to-international-arbitration> (дата обращения 30.04.2025).

[18] Lazarev S. The Main Reasons for the Unpopularity of Alternative Dispute Resolution in Russia // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. Vol.420. P. 127-131.

[19] Курс на медиацию. РБК. Бизнес и право (2024) [Электронный ресурс]. / URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/676942767a8aa957ae0edbb2> (дата обращения 30.04.2025).

[20] Мирись, мирись, мирись и больше не судись: как устроена медиация в России. *Право.ру* (2024) [Электронный ресурс]. / URL: <https://pravo.ru/story/254162/> (дата обращения 05.05.2025).

[21] Мошеннические схемы с использованием медиативных соглашений. *Медиатор.рф* (2023) [Электронный ресурс]. / URL: <https://медиатор.рф/business/moshennicheskie-skhemu-s-ispolzovaniem-mediativnykh-soglasheniy> (дата обращения 30.04.2025).

[22] Приговор карманному правосудию. Как в России проходит реформа третейских судов. *Деловой Петербург* [Электронный ресурс]. / URL: https://www.dp.ru/a/2016/11/23/Prigovor_karmannomu_pravo (дата обращения 30.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate ot 11 fevralya 1993 g. № 4462-I // *Rossijskaya gazeta*. 13 marta 1993 g.

[2] Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» // *SZ RF*. 2010. № 31. St. 4162.

[3] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22 iyunya 2021 g. № 18 «O nekotoryh voprosah dosudebnogo uregulirovaniya sporov, rassmatrivaemyh v poryadke grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva» // *Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus»* (дата обращения 30.04.2025).

[4] Opređenje Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 noyabrya 2024 g. № 305-ES24-13398 po delu N A40-214726/2023. SPS «Garant» [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410928802/> (дата обращения 30.04.2025).

[5] Opređenje Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 304-ES22-6536 po delu № A45-20132/2021 [Elektronnyj resurs]. / URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ae5960bd-8602-4caa-b501-aec2efc45d25/cc3c3b8b-9486-4020-9133-9c85c4eb648f/A45-20132-2021_20221121_Opređenje.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 05.05.2025).

[6] Reshenie Arbitrazhnogo suda Sverdlovskoj oblasti po delu A60-49331/2022 ot 27 dekabrya

2022 goda [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oR54kW0fzdbj/> (data obrashcheniya 30.04.2025).

[7] Spravka o praktike primeneniya sudami Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» za 2015 god. Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/ (data obrashcheniya 30.04.2025).

[8] Gajdaenko Sher N.I. G14 Al'ternativnye mekhanizmy razresheniya sporov kak instrument formirovaniya blagopriyatnoj sredy dlya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (opyt Rossii i zarubezhnyh stran) : monografiya / N.I. Gajdaenko Sher ; otv. red. N.G. Semilyutina. M., 2016. 248 s.

[9] Gegotaulina L. A., Samborko A. A. Procedura mediacii kak sposob dosudebnogo uregulirovaniya kommercheskih sporov // Mirovaya nauka. 2019. № 10(30). S. 114–120.

[10] Gricaj N.V. Osobennosti al'ternativnogo razresheniya sporov v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo». 2018. № 7(20). S. 101-106.

[11] Zimasova A.A., Galeeva G.E. Al'ternativa arbitrazhnomu sudoproizvodstvu: tretejskij sud i (ili) mediaciya? // E-Scio. 2021. № 2. S. 37–45.

[12] Knyazev D.V. Al'ternativnoe razreshenie sporov: Uchebnoe posobie. M., 2025. 209 s.

[13] Kuzina V.I. Ponyatie, otlichitel'nye cherty, preimushchestva i nedostatki al'ternativnogo razresheniya sporov // Monitoring pravoprimeneniya. 2012. № 4. C. 69-72.

[14] Momotov V.V. Ekonomicheskaya i pravovaya cennost' dogovora v sudebnom processe // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. №1. S. 19-25.

[15] Panfilova P.M. Kommercheskaya mediaciya kak vnesudebnyj sposob zashchity prav i

zakonnyh interesov predprinimatelej // Pravovoj al'manah. 2023. № 1. S. 38–46.

[16] Sulakshin S.S., Buyanova E.E., Kulakov V.V. Al'ternativnye sposoby razresheniya sporov mezhdru sub"ektami predprinimatel'skoj deyatel'nosti. M., 2013. S. 213-215.

[17] Kats R., Sultanov S., Ryabova A. Russian Courts Claim Exclusive Jurisdiction Over Disputes Between Russian-Domiciled Companies: Another Blow to International Arbitration / Kluwer Arbitration Blog. 2025 [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2025/01/29/russian-courts-claim-exclusive-jurisdiction-over-disputes-between-russian-domiciled-companies-another-blow-to-international-arbitration> (data obrashcheniya 30.04.2025).

[18] Lazarev S. The Main Reasons for the Unpopularity of Alternative Dispute Resolution in Russia // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol.420. P. 127-131.

[19] Kurs na mediaciyu. RBK. Biznes i pravo (2024) [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/676942767a8aa957ae0edbb2> (data obrashcheniya 30.04.2025).

[20] Miris', miris', miris' i bol'she ne sudis': kak ustroena mediaciya v Rossii. Pravo.ru (2024) [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://pravo.ru/story/254162/> (data obrashcheniya 05.05.2025).

[21] Moshennicheskie skhemy s ispol'zovaniem mediativnyh soglashenij. Mediator.rf (2023) [Elektronnyj resurs]. / URL: <https://mediator.rf/business/moshennicheskie-skhemy-s-ispolzovaniem-mediativnykh-soglasheniy> (data obrashcheniya 30.04.2025).

[22] Prigovor karmannomu pravosudiyu. Kak v Rossii prohodit reforma tretejskih sudov. Delovoj Peterburg [Elektronnyj resurs]. / URL: https://www.dp.ru/a/2016/11/23/Prigovor_karmannomu_pravo (data obrashcheniya 30.04.2025).

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025
Дата принятия рукописи в печать: 04.06.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-2-37-40

НАДЖАФЗАДЕ Онур Гадир оглы,

студент,
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС,
Россия, г. Волгоград,
e-mail: mail@law-books.ru

КОЧУБЕЙ Андрей Владиславович,

канд.хим.наук,
Волгоградский институт управления-филиал РАНХиГС,
Россия, г. Волгоград,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА ПО НАЙМУ

Аннотация. В данной статье рассматриваются конструктивные признаки убийства по найму, включая теоретические взгляды правоведов, а также позицию Пленума Верховного Суда РФ относительно данной дефиниции. Предлагается авторское понимание сущности найма и вознаграждения как ключевых признаков, определяющих убийство по найму. На основе существующих в юридической литературе понятий выведено определение убийства по найму. Также рассматривается юридическая природа найма в контексте убийства по найму и указаны различные виды вознаграждения за совершение данного преступления.

Ключевые слова: убийство по найму, вознаграждение, заказчик преступления, преступный сговор, конструктивные признаки, корыстный мотив, квалификация преступления.

NAJAFZADE Onur Gadir oglu,

Student,
Volgograd Institute of Management,
branch of RANEPА, Russia, Volgograd

KOCHUBEY Andrey Vladislavovich,

Candidate of Chemical Sciences,
Volgograd Institute of Management,
branch of RANEPА, Russia, Volgograd

THE CONCEPT AND SIGNS OF MURDER FOR HIRE

Annotation. This article examines the constructive features of murder for hire, including the theoretical views of legal scholars, as well as the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding this definition. The author offers an understanding of the essence of hiring and remuneration as key features that determine murder for hire. Based on the concepts existing in legal literature, a definition of murder for hire is derived. The legal nature of hiring in the context of murder for hire is also considered and various types of remuneration for committing this crime are indicated.

Key words: murder for hire, reward, customer of the crime, criminal conspiracy, constructive features, mercenary motive, qualification of the crime.

В российском уголовном праве наблюдается значительное количество терминов, не имеющих легального определения в тексте Уголовного кодекса РФ. Такая ситуация, с одной стороны, позволяет законодателю сохра-

нить компактность нормативной базы, однако с другой – вызывает неоднозначность в трактовке отдельных понятий как в научной среде, так и в правоприменительной практике. Одним из таких терминов является «убийство по найму», упомя-

нутое в пункте «з» части 2 статьи 105 УК РФ какотягчающее обстоятельство при умышленном лишении жизни другого лица наряду с корыстными побуждениями, разбойным нападением, вымогательством и бандитизмом. При этом законодатель не дает конкретного описания, какие именно признаки должны характеризовать подобное преступление, что становится предметом активной дискуссии в юридической науке [1].

Так, С.В. Бородин квалифицирует убийство по найму как разновидность корыстного убийства, указывая на наличие договора между исполнителем и лицом, обещающим или уже предоставившим вознаграждение за совершение преступления. В свою очередь, Р.В. Локк определяет это деяние как убийство, осуществлённое специально нанятым субъектом, действующим в интересах заказчика и движимым, в первую очередь, корыстью, при этом стремящимся к гарантированному лишению жизни потерпевшего. Однако, на наш взгляд, данная дефиниция не учитывает ключевой элемент – наличие вознаграждения как цели совершения преступления.

А.Н. Попов предлагает расширенное толкование признака вознаграждения, отождествляя его не только с передачей материальных благ, но и с освобождением исполнителя от обязательных имущественных расходов. Исходя из этого, он формулирует убийство по найму как преступление, мотивированное получением от заказчика либо имущественного блага, либо освобождения от затрат, подлежащих исполнителю. И.В. Гайков подчеркивает, что такое убийство предполагает умышленное лишение жизни, совершённое наемным лицом за вознаграждение, предоставленное заказчиком или посредником [1].

Схожую позицию занимает В.М. Геворгян, определяя убийство по найму как преступление, при котором исполнитель получает материальное либо иное поощрение. Однако он упускает из виду существенную черту такого деяния – наличие третьего лица (заказчика), в интересах которого оно совершается. А.Б. Чокобаева считает необходимым закрепить в Уголовном кодексе РФ легальное определение данного понятия и предлагает формулировку, включающую указание на договор между организатором и исполнителем, отсутствие личной заинтересованности последнего, наличие вознаграждения и возможное участие посредника, действующего в интересах заказчика.

Представленные научные позиции акцентируют внимание на ключевых признаках убийства по найму: наличие соучастия, инициатива, исходящая от заказчика, мотив преступления и наличие вознаграждения. Однако трактовка этих признаков варьируется в зависимости от авторской интерпретации. Сам термин «убийство по найму»

включает два элемента: «убийство», легально закреплённое в части 1 статьи 105 УК РФ как умышленное причинение смерти, и «найм», не имеющий чёткого правового определения.

Современное уголовное право России придерживается позиции, согласно которой убийство может быть только умышленным деянием. Эта точка зрения, ранее оспаривавшаяся, ныне получила признание в научной литературе. Пересмысление подходов связано с реформами законодательства, исключившими случаи причинения смерти по неосторожности из числа убийств, в отличие от советского уголовного права [2].

С точки зрения русского языка, слово «найм» обозначает процесс устройства на оплачиваемую работу. Лицо, осуществляющее набор работников, «нанимает» человека, который принимает предложение о работе (нанимается). Найм подразумевает наличие материальных интересов, и основой таких отношений являются деньги или другое вознаграждение. В российском законодательстве термин «найм» чаще всего используется в контексте жилых помещений. В статье 671 Гражданского кодекса РФ обсуждается договор найма жилого помещения. Однако между этим гражданским соглашением и криминальным наймом убийцы существует существенная разница [3].

Криминальный найм убийцы имеет больше общего с договором возмездного оказания услуг, предусмотренным статьей 779 ГК РФ. Согласно части 1 этой статьи, по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется выполнить определенные действия по заданию заказчика, который, в свою очередь, обязуется оплатить эту работу. Однако криминальный найм убийцы не может быть соотнесён с гражданскими обязательствами, поскольку такая сделка преступна юридически недействительна. Участники подобной криминальной сделки подлежат уголовной ответственности. Фактически исполнитель преступления соглашается по заданию заказчика выполнить «услугу» (убийство другого человека), а заказчик обязуется выплатить вознаграждение за эту «услугу». Важной составляющей этой преступной сделки является заранее согласованное вознаграждение между всеми участниками «коммерческой сделки» [4].

В контексте пункта «з» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации термин «найм» следует понимать как преступный сговор, заключённый между инициатором преступления (заказчиком) либо его представителем и лицом, выступающим исполнителем убийства. В рамках указанного соглашения стороны обсуждают в полном либо частичном объеме ключевые аспекты предстоящего преступного деяния,

включая как минимум идентификацию жертвы и форму будущего вознаграждения. Сам факт достижения подобной договоренности может быть квалифицирован как приготовление к убийству по найму (ч. 1 ст. 30 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при этом найм выступает в качестве одного из ключевых признаков данного вида преступления. Он указывает на то, что инициатива убийства исходит не от исполнителя, а от организатора или подстрекателя, действующего в собственных интересах либо в интересах третьих лиц.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления от 27.01.1999 № 1 (в редакции от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» определяет убийство по найму как деяние, «связанное с получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения». Несмотря на попытку обобщить подход к правоприменительной практике, это определение, по нашему мнению, страдает правовой неопределённостью: Верховный Суд РФ указывает на наличие вознаграждения как конструктивного признака, но не конкретизирует источник его происхождения.

Ключевой особенностью наёмного убийства является мотив исполнителя — стремление получить вознаграждение. Это вознаграждение может быть предложено заказчиком напрямую, через доверенное лицо либо обезличено, однако для квалификации деяния важно не столько происхождение средств, сколько сам факт того, что преступление совершается ради их получения. Вознаграждение может представлять собой денежные средства, имущественные ценности, ценные бумаги, имущественные права или другие формы материальной выгоды. Источник этих средств — имущество заказчика, третьих лиц или даже заёмные/похищенные ресурсы — не влияет на уголовно-правовую оценку деяния [5].

С юридической точки зрения, вознаграждение может восприниматься как оплата, благодарность или вознаграждение за совершённое преступление. Чаще всего в уголовных делах, касающихся убийства по найму, фигурируют денежные средства — как в наличной, так и в безналичной форме, в рублях или в иностранной валюте. Однако правовая природа вознаграждения не ограничивается денежной формой: она может включать в себя как движимое и недвижимое имущество, так и имущественные права, предоставляемые исполнителю в качестве платы за преступление. Вознаграждение таким образом образует второй существенный конструктивный признак рассматриваемого состава преступления, обязательный к установлению в ходе доказывания вины.

Важно подчеркнуть, что для квалификации деяния как убийства по найму получение испол-

нителем фактического вознаграждения не является обязательным условием. Достаточно, чтобы он действовал с умыслом, направленным на его получение, осознавая и принимая предложение третьего лица. Например, в деле Кибкалова, который, находясь в тяжёлой финансовой ситуации, согласился на предложение предпринимателя Шевцова устранить кредитора последнего — некоего Н. — за вознаграждение в размере 100 000 рублей. 8 декабря 2017 года Кибкалов совершил убийство, применив обрез охотничьего ружья 16 калибра. Несмотря на то, что он не успел получить обещанные средства — был задержан через неделю после преступления, — суд квалифицировал его действия как убийство по найму на основании п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Этот случай демонстрирует, что определяющим фактором является мотив исполнителя и наличие предварительного соглашения о вознаграждении, а не факт его последующей передачи.

На основании указанных выше фактов можно сделать вывод, что убийство по найму, кроме общих признаков убийства (причинение смерти другому человеку, умышленный характер деяния), также включает специальные признаки: его совершение в интересах третьего лица, иницирующего преступление, а также зависимость преступления от получения вознаграждения от третьего лица за причинение смерти жертве. Таким образом, убийство по найму представляет собой умышленное причинение смерти другому человеку, осуществляемое в интересах третьего лица за вознаграждение.

Список литературы:

- [1] Доровин С. А. Особенности раскрытия заказных убийств // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 499–503.
- [2] Яшин А. А., Кузьмин Р. П., Бебех А. Е. Проблема расследования заказных убийств (убийств по найму) [Текст] // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Международ. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 281-284.
- [3] Кангезов М.Р. Особенности методики расследования заказных убийств // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №4. – С. 14-18
- [4] Бурданова В.С. Расследование убийств по найму: методология, организационные аспекты, тактика // Журнал криминалистики. - 2020. - № 3. - С. 47-55.
- [5] Корнеев В. И. Организационно-тактические аспекты расследования убийств по найму / В. И. Корнеев, А. С. Попов. - М.: Издательство Московского университета, 2019. - 150 с.

Spisok literatury:

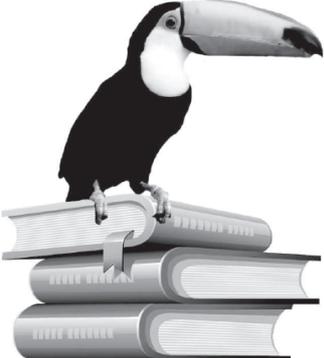
[1] Dorovin S. A. Osobennosti raskrytiya zakaznyh ubijstv // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2016. – T. 17. – S. 499–503.

[2] Yashin A. A., Kuz'min R. P., Bebekh A. E. Problema rassledovaniya zakaznyh ubijstv (ubijstv po najmu) [Tekst] // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2016 g.). — Kazan': Buk, 2016. — S. 281-284.

[3] Kangezov M.R. Osobennosti metodiki rassledovaniya zakaznyh ubijstv // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. №4. – S. 14-18

[4] Burdanova V.S. Rassledovanie ubijstv po najmu: metodologiya, organizacionnye aspekty, taktika // Zhurnal kriminalistiki. - 2020. - № 3. - S. 47-55.

[5] Korneev V. I. Organizacionno-takticheskie aspekty rassledovaniya ubijstv po najmu / V. I. Korneev, A. S. Popov. - M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. - 150 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЖИГУЛИНА Алина Кирилловна,
студентка Крымского филиала ФГБОУВО
«РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, содержание и структура принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве. Анализируется историческое развитие данного принципа, его правовые основы и значение в контексте обеспечения справедливости и правосудия. Особое внимание уделяется ключевым элементам, формирующим независимость судей, таким как отсутствие внешнего давления, профессиональная непредвзятость и защитные механизмы от вмешательства. Кроме того, исследуются современные вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются судьи в своей деятельности, включая политическое влияние и коррупцию.

Ключевые слова: независимость судей, уголовное судопроизводство, правосудие, правовые основы, внешнее давление, профессиональная непредвзятость, судебная система, защита судей, коррупция, реформы.

ZHIGULINA Alina Kirillovna,
Student of the Crimean branch
of Federating State Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev» Simferopol, Russia

THE CONCEPT, CONTENT AND STRUCTURE OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the concept, content and structure of the principle of judicial independence in criminal proceedings. It analyzes the historical development of this principle, its legal basis and significance in the context of ensuring fairness and justice. Particular attention is paid to key elements that shape judicial independence, such as the absence of external pressure, professional impartiality and protective mechanisms against interference. In addition, it examines the contemporary challenges and threats that judges face in their work, including political influence and corruption.

Key words: independence of judges, criminal proceedings, justice, legal framework, external pressure, professional impartiality, judicial system, protection of judges, corruption, reforms.

Принцип независимости судей является краеугольным камнем правосудия и играет ключевую роль в функционировании судебной системы. Он обеспечивает не только беспристрастность судебных решений, но и защиту прав и свобод граждан. В условиях уголовного судопроизводства независимость судей становится особенно актуальной, поскольку от их решений зависят судьбы людей.

Принцип независимости судей можно определить, как право судей действовать свободно от внешнего давления, влияния и вмешательства со стороны государственных органов, политических

структур и частных лиц. Это право гарантирует, что судьи принимают решения на основе закона и своих убеждений, а не под воздействием внешних факторов.

Исторически принцип независимости судей развивался в контексте борьбы за права человека и верховенство закона. Важнейшими этапами его формирования стали:

- Средневековые. зарождение идеи о необходимости независимого суда.
- Новая история. принятие конституций и международных актов, закрепляющих независимость судебной власти.

- Современность. развитие правовых стандартов и рекомендаций международных организаций (например, ООН, Совета Европы).

Исследуем теоретические и правовые аспекты принципа независимости судей, это поможет исследовать данную тему более комплексно.

Согласно ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону [1].

Само слово «независимый» определяется В. Далем как «Ни от кого не зависящий, вольный, свободный, неподчиненный, ничем не связанный, самостоятельный, сам себе господин» [12].

По своей сути это означает, что субъект как бы отделен от влияния чужой воли. Применительно же к судьям термин «независимый» можно рассматривать, как возможность выполнения своих профессиональных обязанностей, не испытывая влияния или принуждения со стороны исполнительной и законодательной ветвей власти, а также любых других субъектов.

Независимость судьи, таким образом, можно обозначить через независимость самого суда, рассматривающего и выносящего решение по конкретному делу.

В этой связи стоит заметить, что реализация принципа независимости судей напрямую зависит от закрепления гарантий, обеспечивающих непосредственно их независимость.

Здесь законодатель, на наш взгляд, пошёл по верному пути и в ст. 9 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» выделил следующие гарантии, обеспечивающие независимость судей: предусмотренная законом процедура осуществления правосудия; запрет, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; установленный порядок приостановления и прекращения полномочий судьи; право судьи на отставку; неприкосновенность судьи; предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Значение же принципа независимости судей, как нам видится, заключается в гарантированной возможности для судей максимально объективно разрешать дела, без влияния на них внешних факторов, которые в основном только давят и мешают действовать адекватно и беспристрастно.

Соблюдение указанного выше принципа поспособствует укреплению доверия общества к судебной власти в целом, что в свою очередь поможет и дальше поддерживать ее независимость.

Резюмируя, история развития принципов самостоятельности и независимости судей в России является долгой, последовательной, многоэтапной.

В настоящее время эти принципы отражены в действующем законодательстве, в том числе, в основном законе нашего государства, но всё еще интересным и заслуживающим внимания остается вопрос о соотношении правовых категорий «самостоятельности» и «независимости».

Как говорилось выше, мнения по данному вопросу в юридической литературе сложились неоднозначным образом, поэтому предлагаем рассмотреть позиции различных авторов.

Одни авторы говорят о самостоятельности судебной власти и независимости судей.

Например, В. А. Ржевским и Н. М. Чепурновой было справедливо замечено, что говорить о самостоятельности можно только применительно к судебной власти в ее взаимодействии с иными властями, а о независимости - применительно к осуществлению правосудия независимым должностным лицом – судьей [7].

М. В. Баглай полагает, что «Самостоятельность судебной власти проявляется в независимости судей, которые подчиняются только Конституции РФ и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия никому не подотчетны» [2].

По мнению Л. Т. Ульяновой, «Самостоятельность судебной власти подкрепляется положением о независимости судей, присяжных, народных заседателей и подчинении их при осуществлении правосудия только Конституции РФ и закону (но в то же время автор определяет данный принцип как принцип самостоятельности судов, независимости судей, народных и присяжных заседателей)» [14].

А П. А. Лупинская делает акцент на том, что самостоятельность суда требует реализации судебной власти независимыми судьями и присяжными заседателями [15]. В. П. Божьев также представляет независимость судей как непрелюбое условие отправления правосудия [13].

Другие авторы полагают необходимым говорить о самостоятельности и независимости судебной власти как ее неотъемлемых свойствах.

Так, А. В. Цихоцкий, отмечает: «...Главное свойство судебной власти – ее самостоятельность и независимость... когда речь идет о независимости судебной власти, это касается организационных моментов ее функционирования, которые, безусловно, подлежат закреплению законом...» [16].

О самостоятельности и независимости судебной власти говорит и Т. А. Савельева, подчеркивая, что «принципы независимости и самостоятельности судебной власти... можно рассма-

тривать как принципы демократического правового государства, основу его конституционного строя» [8].

В. В. Ершов, заостряя свое внимание на правовых гарантиях независимости судебной власти, полагает, что суть последней, прежде всего, возможно раскрывать через права суда по отношению к законотворческим и исполнительным органам государственной власти [3].

Нетривиальное мнение высказывает Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, подчеркивая, что «самостоятельность судебной власти - важное условие и предпосылка независимости правосудия и лиц, его осуществляющих» [6].

Ю. И. Стецовский, изучая конституционные основы судебной власти, говорит также о ее самостоятельности и независимости от других ветвей власти: «Будучи отделенной от законодательной и исполнительной власти, судебная власть обязана действовать независимо от них» [9].

Е. В. Кладий рассматривает судебную власть как «Разновидность государственной власти, которая самостоятельно и независимо от других ветвей государственной власти (законодательной и исполнительной) осуществляет свои властные, публично-правовые полномочия в установленных государством формах и с использованием надлежащих процедур» [4].

О самостоятельности и независимости как разных характеристиках судебной власти рассуждают и некоторые другие авторы [10].

Таким образом, в доктрине российского права нет единого сформировавшегося взгляда правовую природу принципа независимости судей (а также независимости суда как органа государственной власти) в уголовном судопроизводстве. Одними авторами высказывается в целом позиция о том, что самостоятельность и независимость являются неотъемлемыми свойствами судебной власти. Другие авторы указывают, что независимость судей - это часть принципа самостоятельности судей и суда. Представляется возможным и формирование иных позиций авторов в будущем.

Значение же принципа независимости судей, как нам видится, заключается в гарантированной возможности для судей максимально объективно разрешать дела, без влияния на них внешних факторов, которые в основном только давят и мешают действовать адекватно и беспристрастно. Соблюдение указанного выше принципа способствует укреплению доверия общества к судебной власти в целом, что в свою очередь поможет и дальше поддерживать ее независимость.

Для обеспечения и укрепления принципа независимости судей необходимо:

1. Усовершенствовать законодательство, регулирующее статус судей.
2. Обеспечить прозрачность процедур назначения и увольнения судей.
3. Разработать программы повышения квалификации и этических стандартов для судей.
4. Создать механизмы защиты судей от давления и угроз.

Принцип независимости судей является важным элементом уголовного судопроизводства, который обеспечивает справедливость и правосудие. Его защита требует комплексного подхода, включающего правовые реформы, повышение профессиональных стандартов и создание эффективных механизмов защиты судей от внешнего давления. Укрепление этого принципа будет способствовать созданию более эффективной и справедливой судебной системы.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
- [2] Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2007. – 815 с.
- [3] Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. – 126 с.
- [4] Кладий Е. В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. – 122 с.
- [5] Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. – 116 с.
- [6] Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. – 84 с.
- [7] Ржевский, В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. – 633 с.
- [8] Савельева, Т. А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов, 1997. 228 с.
- [9] Стецовский Ю. И. Судебная власть. М., 1999. – 362 с.
- [10] Судебная власть. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. В. М. Семенова. Екатеринбург, 2002. – 521 с.
- [11] Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. 477 с.
- [12] Толковый словарь Даля – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=19506> (дата обращения 16.05.2025)

[13] Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2000. – 331 с.

[14] Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1998. – 208 с.

[15] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 1999. – 288 с.

[16] Цихоцкий, А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. – 102 с.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.) // SZ RF. 2014. № 31. St. 4398.

[2] Baglaj, M. V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. М., 2007. – 815 с.

[3] Ershov V. V. Sudebnaya vlast' v pravovom gosudarstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. М., 1992. – 126 с.

[4] Kladij E. V. Sudebnaya vlast' v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. М., 2002. – 122 с.

[5] Lazareva V. A. Sudebnaya zashchita v ugolovnom processe RF: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. М., 2000. – 116 с.

[6] Lebedev V. M. Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii. SPb., 2001. – 84 с.

[7] Rzhetskij, V. A., Chepurnova N. M. Sudebnaya vlast' v Rossijskoj Federacii: konstitucionnye osnovy organizacii i deyatelnosti. М., 1998. – 633 с.

[8] Savel'eva, T. A. Sudebnaya vlast' v grazhdanskom processe. Saratov, 1997. 228 с.

[9] Stecovskij Yu. I. Sudebnaya vlast'. М., 1999. – 362 с.

[10] Sudebnaya vlast'. Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie / pod red. V. M. Semenova. Ekaterinburg, 2002. – 521 с.

[11] Sudebnaya vlast' / pod red. I. L. Petruhina. М., 2003. 477 с.

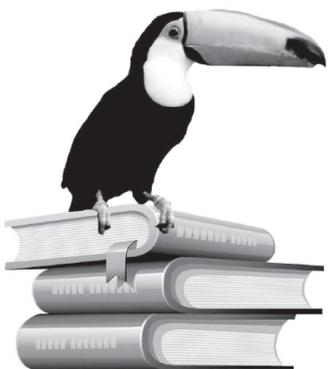
[12] Tolkovyj slovar' Dalya – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=19506> (data obrashcheniya 16.05.2025)

[13] Ugolovnyj process / pod red. V. P. Bozh'eva. М., 2000. – 331 с.

[14] Ugolovnyj process / pod red. K. F. Gucenko. М., 1998. – 208 с.

[15] Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii / pod red. P. A. Lupinskoj. М., 1999. – 288 с.

[16] Cihockij, A. V. Teoreticheskie problemy effektivnosti pravosudiya po grazhdanskim delam. Novosibirsk, 1997. – 102 с.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

АНИМОКОВ Ислам Каншоубиевич
преподаватель кафедры ГиГПД,
капитан полиции, к.пед.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. В данной статье анализируются идеологические основы современного религиозного экстремизма с точки зрения юридической науки. Рассматриваются ключевые доктринальные положения, используемые экстремистскими группами для обоснования насилия, нетерпимости и противоправной деятельности. Особое внимание уделяется сравнительному анализу экстремистских идеологий в разных религиозных традициях, их эволюции и трансформации в условиях глобализации и цифровизации. Исследуются правовые механизмы противодействия религиозному экстремизму на национальном и международном уровнях, а также проблемы баланса между свободой вероисповедания и обеспечением общественной безопасности.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, идеология, радикализация, правовое регулирование, противодействие экстремизму, религиозная нетерпимость, национальная безопасность, международное сотрудничество.

ANIMOKOV Islam Kanshoubievich
Lecturer, Department of GIPD,
Police Captain, Ph.D.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN RELIGIOUS EXTREMISM

Annotation. This article analyzes the ideological foundations of modern religious extremism from the perspective of legal science. It examines key doctrinal provisions used by extremist groups to justify violence, intolerance, and illegal activities. Special attention is paid to the comparative analysis of extremist ideologies in different religious traditions, their evolution and transformation in the context of globalization and digitalization. The article explores legal mechanisms for countering religious extremism at national and international levels, as well as the challenges of balancing religious freedom with ensuring public security.

Key words: religious extremism, ideology, radicalization, legal regulation, countering extremism, religious intolerance, national security, international cooperation.

Религиозный экстремизм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной и международной безопасности в современном мире. Несмотря на значительные усилия международного сообщества по противодействию данному явлению, оно продолжает распространяться, приобретая новые формы и проявления. Для эффективного правового противодействия религиозному экстремизму необходимо глубокое понимание его идеологических основ, которые служат фундаментом для радикализации и последующей экстремистской деятельности.

А.И. Бастрыкин отмечает, что идеологическая составляющая экстремизма представляет собой его сущностное ядро, без нейтрализации которого невозможно эффективное противодей-

ствие насильственным проявлениям экстремистской деятельности [1, с. 5]. Религиозный экстремизм, в отличие от других форм экстремизма, опирается на особую духовную легитимацию насилия, придающую ему характер сакральной обязанности верующего [2, с. 128].

Прежде чем приступить к анализу идеологических основ религиозного экстремизма, необходимо определить само понятие. В российском законодательстве отсутствует легальное определение религиозного экстремизма, хотя Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» содержит перечень деяний, относящихся к экстремистской деятельности [3].

И.В. Понкин определяет религиозный экстремизм как «деятельность, направленную на насильственное изменение государственного

строю или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение религиозной вражды и ненависти, сопряженную с насилием или призывами к насилию, а также связанная с совершением или призывами к совершению иных противоправных деяний, осуществляемая для достижения политических, религиозных, идеологических и иных целей посредством религиозной мотивации» [4, с. 23].

Е.Н. Плужников рассматривает религиозный экстремизм как «деятельность, направленную на насаждение исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в зависимости от их отношения к религии, жестко ограничивающую свободу человека и общества, создающую угрозу безопасности государства» [5, с. 89].

Исследователи отмечают, что религиозный экстремизм представляет собой сложное, многоаспектное явление, включающее идеологический, психологический, социальный и политический компоненты. Однако именно идеологическая составляющая является определяющей, формирующей мировоззренческую основу для экстремистской деятельности.

Анализ идеологических основ современного религиозного экстремизма позволяет выделить ряд ключевых концептов, характерных для большинства экстремистских религиозных течений, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Центральным элементом идеологии религиозного экстремизма является радикальное разделение мира на «своих» и «чужих», «верных» и «неверных», «праведных» и «грешных». М.Я. Яхьяев утверждает, что для религиозного экстремиста не существует полутонов, промежуточных состояний и переходных форм – весь мир делится на черное и белое, на абсолютное добро и абсолютное зло [6, с. 54]. Такое дуалистическое восприятие мира создает идеологические основания для дегуманизации «других», отрицания их человеческого достоинства и прав, что служит оправданием насилия.

В идеологии религиозного экстремизма насилие приобретает характер священного действия, религиозного долга верующего. О.Н. Сенюшкина указывает, что экстремистские религиозные идеологии трансформируют традиционные религиозные концепты «священной войны», «мученичества», «борьбы со злом», наполняя их новым содержанием, легитимирующим насилие [7, с. 176]. Такая сакрализация насилия не только снимает моральные ограничения на применение силы, но и создает систему позитивной мотивации, в которой насилие становится путем к спасению и религиозному вознаграждению.

Многие экстремистские идеологии опираются на апокалиптическое видение мира, представление о наступлении «последних времен», требующих решительных действий со стороны верующих. Д.В. Новиков подчеркивает, что эсхатологические ожидания создают особую темпоральность, в которой обычные моральные и правовые нормы утрачивают свою значимость перед лицом грядущего конца света [8, с. 112]. Такая апокалиптическая перспектива усиливает радикализацию сознания и готовность к экстремальным действиям.

Экстремистские идеологии, как правило, включают представление об особой миссии своих последователей, их избранности для выполнения божественной воли. А.В. Кузьмин отмечает, что идея избранничества создает у последователей экстремистских учений ощущение моральной исключительности, выводящей их за рамки обычных этических и правовых норм [9, с. 67]. Такое мессианское сознание становится мощным мотивирующим фактором для участия в экстремистской деятельности.

Характерной чертой религиозно-экстремистских идеологий является критическое отношение к традиционным религиозным институтам и авторитетам, обвинение их в отступлении от «истинной веры». По мнению Р.А. Силантьева, религиозные экстремисты позиционируют себя как носителей аутентичной религиозной традиции, противопоставляя себя «испорченным» официальным религиозным институтам [10, с. 94]. Такая позиция позволяет экстремистам легитимировать собственные радикальные интерпретации религиозных текстов и практик.

Идеологические основы религиозного экстремизма не остаются неизменными, они трансформируются под влиянием глобализации, цифровизации и других процессов современности. Можно выделить несколько ключевых тенденций в эволюции идеологии современного религиозного экстремизма.

Во-первых, происходит интернационализация экстремистских идеологий, выход их за рамки конкретных национальных и культурных контекстов. А.И. Бастрыкин отмечает, что современные экстремистские идеологии приобретают транснациональный характер, формируя своеобразный «интернационал экстремизма», объединяющий последователей радикальных взглядов из разных стран и культур [1, с. 7].

Во-вторых, наблюдается синкретизация религиозно-экстремистских идеологий, включение в них элементов политических, националистических, антиглобалистских и иных идеологий. Е.Н. Плужников указывает, что современный религиозный экстремизм часто представляет собой гибридные идеологические конструкции,

сочетающие религиозные элементы с политическими, социальными и культурными требованиями [5, с. 93].

В-третьих, происходит цифровизация пространства экстремистских идеологий, использование современных информационных технологий для пропаганды радикальных взглядов и рекрутирования новых последователей. О.Н. Сенюшкина подчеркивает, что интернет-пространство становится основной площадкой для распространения экстремистских идеологий, позволяя обходить традиционные механизмы государственного и общественного контроля [7, с. 180].

Наконец, наблюдается профессионализация идеологической работы экстремистских организаций, использование современных маркетинговых и психологических технологий для продвижения радикальных идей. М.Я. Яхьяев отмечает, что современные экстремистские организации создают целые медиаимперии, включающие профессиональные пропагандистские подразделения, использующие передовые технологии манипуляции сознанием [6, с. 57].

Эффективное противодействие распространению религиозно-экстремистских идеологий требует комплексного подхода, сочетающего правовые, социальные, образовательные и информационные меры. В рамках правового противодействия можно выделить несколько ключевых направлений.

Первое направление связано с совершенствованием законодательного регулирования противодействия экстремистской деятельности. Д.В. Новиков подчеркивает необходимость более четкого законодательного определения понятия религиозного экстремизма, дифференциации экстремистских проявлений по степени общественной опасности [8, с. 116].

Второе направление касается развития международного сотрудничества в сфере противодействия религиозному экстремизму. А.В. Кузьмин отмечает, что эффективное противодействие транснациональным экстремистским идеологиям возможно только в рамках согласованных международных усилий, включающих гармонизацию законодательства, обмен информацией и совместные оперативные мероприятия [9, с. 70].

Третье направление связано с разработкой и внедрением механизмов противодействия распространению экстремистских идеологий в информационном пространстве. Р.А. Силантьев указывает на необходимость создания эффективных правовых механизмов блокирования экстремистского контента в интернете при одновременном соблюдении принципов свободы информации и свободы вероисповедания [10, с. 98].

Наконец, четвертое направление касается развития системы профилактики религиозного экстремизма, включающей правовое просвещение, межрелигиозный и межкультурный диалог, поддержку традиционных религиозных организаций. И.В. Понкин подчеркивает, что правовые механизмы противодействия религиозному экстремизму должны опираться на широкую систему превентивных мер, направленных на формирование у граждан иммунитета к экстремистским идеологиям [4, с. 27].

Анализ идеологических основ современного религиозного экстремизма показывает, что он представляет собой сложное, многоаспектное явление, требующее комплексного подхода к изучению и противодействию. Идеологические конструкты, лежащие в основе религиозного экстремизма, включают дуалистическое мировоззрение, сакрализацию насилия, эсхатологизм, идею избранничества и ревизионизм в отношении традиционных религиозных авторитетов.

В современных условиях происходит трансформация идеологии религиозного экстремизма в направлении интернационализации, синкретизации, цифровизации и профессионализации идеологической работы экстремистских организаций. Эти тенденции требуют адекватного ответа со стороны государства и общества, включающего совершенствование законодательного регулирования, развитие международного сотрудничества, противодействие распространению экстремистских идеологий в информационном пространстве и развитие системы профилактики религиозного экстремизма.

Эффективное противодействие религиозному экстремизму возможно только на основе глубокого понимания его идеологических оснований, что требует дальнейших междисциплинарных исследований данного феномена с позиций юридической науки, религиоведения, социологии, психологии и других наук о человеке и обществе.

Список литературы:

- [1] Бастрыкин А.И. Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении правовой стабильности // Российский следователь. 2016. № 5. С. 3-10.
- [2] Яхьяев М.Я. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления. М.: Парнас, 2018. 296 с.
- [3] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
- [4] Понкин И.В. Правовые основы противодействия религиозному экстремизму. М.: Проспект, 2016. 184 с.

[5] Плужников Е.Н. Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 2. С. 86-97.

[6] Яхьяев М.Я. Идеология и психология религиозно-политического экстремизма // Исламоведение. 2020. № 2. С. 47-61.

[7] Сенюшкина О.Н. Трансформация религиозного экстремизма в условиях цифровизации: вызовы и ответы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 173-183.

[8] Новиков Д.В. Эсхатологические представления в идеологии современного религиозного экстремизма // Религиоведение. 2019. № 4. С. 104-118.

[9] Кузьмин А.В. Правовые аспекты противодействия религиозному экстремизму в условиях глобализации // Юридический вестник. 2020. № 1. С. 62-73.

[10] Силантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М.: Алгоритм, 2017. 576 с.

Spisok literatury:

[1] Bastrykin A.I. Ugrozy ekstremizma i rol' Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii v obezpechenii pravovoj stabil'nosti // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 5. С. 3-10.

[2] Yah'yaev M.Ya. Religiozno-politicheskij ekstremizm: sushchnost', prichiny, formy proyavleniya, puti preodoleniya. M.: Parnas, 2018. 296 s.

[3] Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3031.

[4] Ponkin I.V. Pravovye osnovy protivodejstviya religioznomu ekstremizmu. M.: Prospekt, 2016. 184 s.

[5] Pluzhnikov E.N. Religioznyj ekstremizm v sovremennoj Rossii: problemy teoreticheskoy interpretacii i politicheskoy praktiki // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2019. № 2. С. 86-97.

[6] Yah'yaev M.Ya. Ideologiya i psihologiya religiozno-politicheskogo ekstremizma // Islamovedenie. 2020. № 2. С. 47-61.

[7] Senyushkina O.N. Transformaciya religioznogo ekstremizma v usloviyah cifrovizacii: vyzovy i otvety // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2021. № 3. С. 173-183.

[8] Novikov D.V. Eskhatologicheskie predstavleniya v ideologii sovremennogo religioznogo ekstremizma // Religiovedenie. 2019. № 4. С. 104-118.

[9] Kuz'min A.V. Pravovye aspekty protivodejstviya religioznomu ekstremizmu v usloviyah globalizacii // Yuridicheskij vestnik. 2020. № 1. С. 62-73.

[10] Silant'ev R.A. Novejshaya istoriya islama v Rossii. M.: Algoritm, 2017. 576 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025
Дата принятия рукописи в печать: 04.06.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-2-49-54

ЩЕРБАКОВА Мария Викторовна,
Федеральное Государственное Образовательное
Учреждение Высшего Образования Херсонской области
«Херсонский технический университет»,
город Геническ, Россия,
e-mail: maria.merkel@mail.ru

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу правотворчества как одной из ключевых форм реализации государственной власти. Автор рассматривает правотворчество как системообразующий механизм, формирующий правовую основу функционирования государственных институтов. На основе анализа научных подходов выявляются структурные особенности правотворческого процесса, его место в иерархии форм реализации функций государства, а также институциональные и цифровые трансформации, происходящие в этой сфере. Особое внимание уделено вопросам классификации форм реализации функций государства, а также роли цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в нормотворческую практику. Обоснована необходимость перехода от традиционных моделей к современным формам цифрового правотворчества, обеспечивающим прозрачность, доступность и эффективность правового регулирования.

Ключевые слова: правотворчество, государственная власть, легитимность, нормативное регулирование, публичная власть, форма реализации власти.

SHCHERBAKOVA Maria Viktorovna,
Federal State Educational Institution of Higher Education
of the Kherson Region "Kherson Technical University",
Genichesk, Russia

LAW-MAKING AS A FORM OF EXERCISING STATE POWER: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of lawmaking as one of the key forms of state power realization. The author considers law-making as a system-forming mechanism that forms the legal basis for the functioning of state institutions. Based on the analysis of scientific approaches, the structural features of the law-making process, its place in the hierarchy of forms of implementation of state functions, as well as institutional and digital transformations taking place in this area are revealed. Special attention is paid to the classification of forms of implementation of state functions, as well as the role of digitalization and the introduction of artificial intelligence in standard-setting practice. The necessity of transition from traditional models to modern forms of digital lawmaking, ensuring transparency, accessibility and effectiveness of legal regulation, is substantiated.

Key words: law-making, state power, legitimacy, normative regulation, public authority, form of power implementation.

Введение

Правотворчество представляет собой неотъемлемый элемент деятельности государства, квинтэссенцию его публичной воли, облечённой в юридическую форму. Через нормы права государство выражает свои цели, ценности

и приоритеты, одновременно структурируя правовое пространство, в котором осуществляется власть. Именно в правотворческой функции наиболее ярко проявляется синтез правовой и политической природы государства: принимая нормы, власть не только регулирует общественные отно-

шения, но и утверждает собственную легитимность, структурирует институты, формирует механизмы подотчётности и управления.

Современные трансформации в общественно-политической и технологической сферах обуславливают необходимость переосмысления сущности правотворчества как института. Цифровизация, глобализация, рост роли экспертного знания и гражданского участия формируют новые требования к нормотворческому процессу, бросают вызов традиционным иерархиям и юридическим конструкциям. На этом фоне правотворчество предстает не просто как технический процесс издания нормативных актов, но и как сложный, многоуровневый механизм, сочетающий в себе правовую, институциональную и коммуникативную составляющие.

На протяжении десятилетий в отечественной теории государства и права формировались различные подходы к пониманию содержания и классификации этих форм. Множественность трактовок обусловлена как сложностью самого феномена, так и его междисциплинарной природой — на пересечении юридического, организационного, институционального и политико-правового аспектов государственной деятельности.

Цель настоящей статьи — проанализировать правотворчество как основную форму реализации государственной власти, раскрыть её учредительный и системообразующий характер, а также проследить эволюцию институциональных механизмов нормотворчества в условиях цифровой трансформации. Для этого потребуются рассмотреть как теоретические основания правотворческой функции, так и практические контуры её современного функционирования, включая участие различных ветвей власти, общественных институтов и цифровых технологий.

Таким образом, исследование правотворчества в предлагаемом ключе позволяет выйти за рамки сугубо юридического анализа и рассматривать его как ключевой инструмент легитимации, модернизации и адаптации государственной власти к новым социальным вызовам.

Результаты исследований

Формы реализации государственной власти представляют собой устойчивые способы осуществления государственной деятельности и власти, направленной на решение ключевых задач и достижения целей определенных содержанием функций государства, данной позиции поддерживается Рассказов [10]. Эти формы не только отражают специфику воздействия государства на общественные отношения, а также демонстрируют, каким образом право включается в механизм государственной политики. Без нормотворческой базы невозможно ни право-

применение, ни правоохранительная деятельность, ни правовое воспитание. Более того, правотворчество обеспечивает институциональное воспроизводство самого государства, закрепляя легитимные механизмы властных полномочий, процедуры принятия решений. Тем не менее, формы реализации и функции государства является ключом к пониманию природы публичной власти и её правовой манифестации. Через эти формы государства не только взаимодействуют с обществом, но и формирует, дисциплинирует, управляет и направляет его развитие. Правотворчество в этом смысле – не просто одна из форм, механизм, обеспечивающий действенность и легитимность всех остальных.

Так, по мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, формы реализации функций государства представляют собой однородную деятельность органов государства, осуществляемую в рамках правовых и организационных механизмов [6].

Данная позиция заслуживает особого внимания, поскольку в ней чётко обозначено два ключевых аспекта форм реализации функций государства: однородность деятельности и институционально – правовая обусловленность её осуществления.

Под однородной деятельностью понимается реализуемая в правовых организационных рамках активность государства по выполнению конкретных функций. Их подход объединяет структурные и функциональные аспекты, подчёркивая практическую значимость форм реализации функций государства для эффективного правового регулирования.

В.С. Нерсесянц обращает внимание на организующую и охранительную функцию государства, подчёркивая, что формы реализации связаны с деятельностью по обеспечению государственно-правового порядка, то есть не только с созданием норм, но и с их охраной и институциональной поддержкой [7].

Существенно конкретизирует подход В.В. Лазарева, которая утверждает, что функции государства реализуются через конкретные действия органов и должностных лиц, действующих в пределах установленной законом компетенции и в рамках правовых процедур. [8]. Такой подход акцентирует внимание не на абстрактных формах, а на реально осуществляемой государственной активности, что позволяет рассматривать правотворчество, правоприменение и иные формы как инструменты реализации публичной власти.

Стоит отметить позицию А.С. Алексеева, который рассматривает формы реализации функций государства как деятельность, осуществляемую в присущих государству формах с использованием специфических методов [1]. Он

тем самым подчеркивает неразрывную связь содержания и формы государственной активности.

В совокупности анализ данных подходов позволяет сделать вывод о том, что формы реализации функций государства – это не абстрактные юридические конструкции, а динамичные формы практической деятельности, через которые функции государства получают свою фактическое выражение и правовую значимость.

Предметом дискуссий является также классификация форм осуществления государственной власти. Так, в советской юридической литературе доминировал функционально-целевой подход, предполагающий упрощённое деление форм на три основные: законодательную деятельность, управление и правосудие. Этой позиции придерживались такие видные юристы, как С.А. Голунский, М.С. Строгович, И.И. Евтихий, В.А. Власов и С.С. Студеникин [11]. Основное внимание при этом уделялось институциональному носителю функции, а не специфике самой формы её реализации.

С дальнейшим развитием научной мысли возникали альтернативные классификации, которые более подробно раскрывали институциональные и процедурные аспекты государственного функционирования. Г.И. Петров предлагает выделять: полномостную деятельность по осуществлению общегосударственного и местного руководства, президентскую, управленческую (исполнительную и распорядительную, административную), судебную и прокурорскую деятельность [9].

Д.А. Керимов различает четыре формы: законодательную, исполнительно-распорядительную, правосудие и прокурорский надзор [5]. А.И. Денисов выделяет формы: законодательную, управленческую, судебную и надзорную [12].

Подходы к классификации форм реализации функций государства различаются в зависимости от исходного критерия — будь то юридическая значимость, институциональная принадлежность, содержательная специфика деятельности или степень формализации. Это отражает как сложность феномена, так и необходимость многоаспектного анализа форм реализации государственной функции в условиях современной правовой реальности.

К числу правовых форм реализации функций государства принято относить: правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную деятельность.

Правотворчество представляет собой деятельность по установлению, изменению и отмене юридических норм, осуществляемого уполномоченными органами. Однако с юридической – догматической точки зрения такое определение лишь описывает внешнюю оболочку процесса.

На более глубоком уровне правотворчество – это акт артикуляции государственной воли. Через него государство формирует картину «правовой реальности», в которой закрепляется не только регулирование общественных отношений, но и структура самой власти.

Правотворчество — это власть в действии, которая олицетворяет собой суверенитет, легитимность и власть дисциплины.

Ранее уже упоминалось о различных формах, в которых реализуется государственная власть. Каждая из них отражает определённый аспект механизма формирования государства, но именно правотворчество занимает учредительное, первичное место в иерархии юридической деятельности государства, поскольку оно формирует нормативную основу, без которой невозможно ни применение, ни контроль, ни правосудие. Правотворчество определяет юридические рамки осуществления и функционирования всех институтов власти, выступая правовой матрицей, внутри которой действуют остальные формы. В этом смысле правотворчества выполняет не только норма нормоустановительную, но и системообразующую функцию, задавая архитектуру правового пространства государства.

Правотворческой деятельностью государства определяет стратегические ориентиры правового регулирования, закрепляет общественные приоритеты, трансформируют политические установки в юридические императивы. От качества и легитимности правотворчества зависит эффективность всей системы реализации государственной власти, её восприятие обществом и устойчивость в правовом порядке. Таким образом, правотворчество не только один из видов деятельности государства, но и базовый механизм институционализации государственной власти в правовой форме.

Современная государственность характеризуется сложной, многоуровневой системой правотворческой деятельности, в которой принимают участие как традиционные, так и новые субъекты нормообразования. Эта институциональная структура включает в себя следующие ключевые элементы:

- 1) Законодательные органы (в первую очередь парламент) осуществляют первичное правотворчество, создавая законы, которые служат основой для всей правовой системы. Их деятельность обеспечивает легитимацию и демократичность норм, закрепляя общественные ценности в юридической форме.
- 2) Исполнительная власть реализует регламентарное правотворчество, издавая подзаконные нормативные акты (указы, поста-

новления, приказы), необходимые для конкретизации и практической реализации законодательных норм. Такое правотворчество имеет производный характер и подчинено принципу иерархии нормативных правовых актов.

- 3) Судебная власть, особенно в странах с развитой системой прецедентного права, участвует в нормообразовании посредством вынесения решений, которые приобретают нормативную силу (казуальное правотворчество). Кроме того, конституционная юстиция обеспечивает правовую определённость и защищает верховенство Конституции, признавая недействительными акты, противоречащие её положениям.
- 4) Общественные институты — такие как инициативные группы, экспертные сообщества, институты гражданского общества, формы публичных обсуждений и гражданских ассамблей — становятся каналами участия граждан в нормотворчестве. Это обеспечивает открытость, транспарентность и инклюзивность правотворческого процесса.

Важнейшим трендом современного этапа является развитие делегированного и цифрового правотворчества. Делегированное правотворчество проявляется в принятии нормативных правовых актов на основании поручения (делегирования) иного органа или должностного лица.

Особое значение приобретает процесс цифровизации правотворческой деятельности, обусловленный внедрением технологий в сферу государственного управления. Примером служит реализация государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ставшая катализатором трансформации нормотворческого механизма [2].

Цифровизация правотворчества включает следующие ключевые направления:

- 1) Отказ от бумажного документооборота — переход к электронному взаимодействию между субъектами правотворчества способствует снижению бюрократической нагрузки и ускорению процедур подготовки проектов нормативных актов.
- 2) Онлайн-редактирование законопроектов — создание цифровой среды, в которой возможно совместное редактирование текстов в реальном времени, значительно повышает оперативность и гибкость законодательного процесса.
- 3) Мониторинг реализации нормативных решений — внедрение цифровых инструментов позволяет отслеживать эффективность и соответствие правоприменительной практики первоначальным целям правового регулирования.

4) Открытость законодательного процесса для граждан — создание платформ, позволяющих населению в режиме онлайн отслеживать стадии прохождения нормативных актов, повышает уровень правовой информированности и подотчётности органов власти.

5) использование искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента повышения качества, эффективности и предсказуемости правотворческого процесса.

В последнее время в научной литературе всё чаще поднимается вопрос о необходимости интеграции интеллектуальных цифровых решений в сферу нормотворчества. Так, в трудах А.А. Ефремовой [3], Н.Г. Жаворонковой, Ю.Г. Шпаковского [4], Т.Я. Хабриевой [13] подчёркивается актуальность разработки специализированных цифровых платформ, способных сопровождать полный цикл подготовки нормативных правовых актов.

Авторы обоснованно указывают, что применение ИИ в этой сфере может служить как поддержкой экспертной оценки, так и механизмом аналитической обработки больших объёмов юридической информации. Согласно с выводами указанных исследователей, представляется перспективным следующий концепт: искусственный интеллект в правотворческой деятельности должен моделировать когнитивную деятельность правоведа-эксперта, включая оценку юридической обоснованности, логической связности и нормативной корректности предлагаемых решений.

А также это позволит обнаруживать коллизии, пробелы, дублирование, несоответствие предлагаемого регулирования актам более высокой юридической силы раньше, чем это может выявиться на практике. А значит, что улучшится качество текста закона, и как следствие будут уменьшаться правоприменительные проблемы. Внедрение в процесс нормотворчества искусственного интеллекта позволит выявить также и возможные расхождения в терминологии с действующими актами, а также сопоставлять и оценивать проект закона. Все это в своей совокупности приведет к тому, что повысится скорость и эффективность оценки проектируемого закона, а также позволит его качественно улучшить и вывести процесс нормотворчества на новый, более качественный уровень.

Дальнейшее развитие цифровизации приведёт к становлению новой формы существования нормативного акта — цифрового закона, обладающего как юридической силой, так и свойствами программного обеспечения. Это предполагает трансформацию традиционного понимания правовой нормы и необходимость создания

единой государственной цифровой правовой системы, аналогичной коммерческим справочным системам («КонсультантПлюс», «Гарант»), но обладающей открытым, машиночитаемым и юридически значимым статусом.

Таким образом, институциональный механизм правотворчества сегодня представляет собой динамически развивающуюся систему, в которой взаимодействуют классические органы власти и новые объекты цифровой эпохи. Это требует переосмысления традиционных теорий нормотворчества и разработки гибких, адаптивных механизмов правовой регуляции.

Обсуждение и заключение

Правотворчество представляет собой не просто один из видов государственной деятельности, но учредительное измерение государственной власти, её правовую форму и метод самоопределения в условиях правового государства. Именно через нормотворчество происходит институционализация воли государства, её перевод в универсальные правовые предписания, обеспечивающие функционирование всех иных форм власти — правоприменения, контроля, толкования, защиты.

Анализ форм реализации государственной власти позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Правотворчество выполняет системообразующую функцию, формируя нормативную основу государственной деятельности и задавая вектор правового регулирования. Без норм невозможно существование ни правового государства, ни устойчивого правопорядка.
- 2) Институциональная природа правотворчества включает не только традиционные органы власти, но и современные формы публичного участия и цифровые технологии. Это расширяет спектр субъектов нормотворчества и требует новых подходов к обеспечению легитимности, транспарентности и правовой ответственности.
- 3) Цифровизация нормотворческого процесса становится неотъемлемым компонентом современной государственности. Программы, подобные «Цифровой экономике РФ», демонстрируют, что эффективность правотворчества напрямую зависит от технологического обновления его процедур — от электронного документооборота до алгоритмических форм регулирования.
- 4) В условиях трансформации государства и усиления технологических факторов необходима модернизация теоретико-правового подхода к формам реализации государственной власти, особенно в аспекте правотворчества. Требуется переосмысле-

ние не только механизма создания норм, но и новых способов их легитимации, оценки эффективности и обратной связи с обществом.

Таким образом, правотворчество — это не только технический процесс издания норм, но механизм стратегического взаимодействия государства с правом и обществом. Его развитие должно идти по пути интеллектуализации, цифровой трансформации и демократизации. В противном случае оно рискует утратить связь с реальностью и превратиться в бюрократический ритуал, неспособный обеспечить адекватное регулирование сложной и быстро меняющейся социальной среды.

Список литературы:

- [1] Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. - М.: Статут, 1999.
- [2] Бурдакова М. А., Бакланова Н. А., Макаров В. О. Цифровизация нормотворчества как отдельный процесс перехода общества на новую ступень развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №12-2.
- [3] Ефремов А.А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: механизмы и методика // Закон. - 2018. - №3. - С. 45-56.
- [4] Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты // Юрист. - 2019. - №4. - С. 14-19.
- [5] Керимов Д.А. Законодательная деятельность Советского государства (основные принципы и организационные формы). - М., 1955.
- [6] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. - М.: Юрист, 2002.
- [7] Нерсисянц В. С. Различие и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. - М., 1973. С.273-279.
- [8] Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2001.
- [9] Петров Г.И. Советское государственное право / под ред. И.П. Трайнина, И.Д. Левина. - М., 1948.
- [10] Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник для вузов. - 2-е изд. - М.: РИОР, 2009.
- [11] Теория государства и права / под ред. С.А. Голунского, М.С. Строговича. - М., 1940
- [12] Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. А.И.Денисова. - М., 1980.
- [13] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. - 2018. - №1. - С. 85-102.

Spisok literatury:

[1] Alekseev S. S. Pravo: azbuka - teoriya - filozofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. - M.: Statut, 1999.

[2] Burdakova M. A., Baklanova N. A., Makarov V. O. Cifrovizatsiya normotvorchestva kak ot-del'nyj process perekhoda obshchestva na novuyu stupen' razvitiya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. №12-2.

[3] Efremov A.A. Ocenka vozdeystviya pravovogo regulirovaniya na razvitie informacionnyh tekhnologij: mekhanizmy i metodika // Zakon. - 2018. - №3. - С. 45-56.

[4] Zhavoronkova N.G., Shpakovskij Yu.G. Cifrovizatsiya v sfere ekologicheskoy bezopasnosti: administrativno-pravovye aspekty // Yurist. - 2019. - №4. - С. 14-19.

[5] Kerimov D.A. Zakonodatel'naya deyatelnost' Sovetskogo gosudarstva (osnovnye principy i organizacionnye formy). - M., 1955.

[6] Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava. - M.: Yurist, 2002.

[7] Nersesyanc B. C. Razlichie i sootnoshenie prava i zakona kak mezhdisciplinarnaya problema // Voprosy filosofii prava. - M., 1973. S.273-279.

[8] Obshchaya teoriya prava i gosudarstva / pod red. V.V. Lazareva. - 3-e izd., pererab. i dop. - M.: Yurist, 2001.

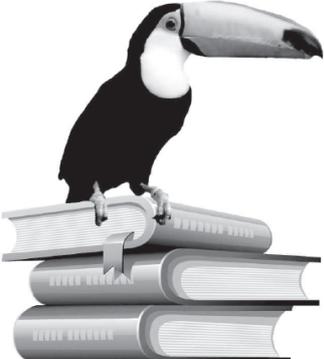
[9] Petrov G.I. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo / pod red. I.P. Trajnina, I.D. Levina. - M., 1948.

[10] Rasskazov L.P. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk dlya vuzov. - 2-e izd. - M.: RIOR, 2009.

[11] Teoriya gosudarstva i prava / pod red. S.A. Golunskogo, M.S. Strogovicha. - M., 1940

[12] Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk dlya vuzov / pod red. A.I. Denisova. - M., 1980.

[13] Habrieva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. - 2018. - №1. - С. 85-102.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МАКАРОВ Тимур Игоревич,
студент института технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tim29603@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА (IX-XI ВВ.): РЕЦЕПЦИЯ И ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ

Аннотация. В данной обзорной статье, автор анализирует источники европейского права и определяет их значение в процессе становления древнерусской системы права. На основании проведённого исследования, указывается предрасположенность древнерусского права конкретной ветви романо-германской правовой семьи. На основе анализа можно увидеть, что на создание первой версии Русской Правды повлияли юридические традиции норманнов (варягов) и франков.

Ключевые слова: русское право, Древняя Русь, рецепция, правовая семья, варварское право.

MAKAROV Timur Igorevich,
student of the Institute of Entrepreneurship
Technologies and Law of Saint Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

FORMATION OF OLD RUSSIAN LAW (IX-XI CENT.): RECEPTION AND LEGAL FAMILY

Annotation. In this scientific article, the author analyses the sources of European law and determines their importance in the formation of the Ancient Russian legal system. Based on this research, a predisposition of ancient Russian law towards a specific branch of Romano-Germanic law is indicated. Based on the analysis, it can be seen that the creation of the first version of the Russian Truth was influenced by the legal traditions of the Normans (Varangians) and Franks.

Key words: russian law, Ancient Russia, reception, legal family, barbaric law.

В настоящее время можно утверждать, что правовая система России переживает новый этап развития. Под воздействием глобальных тенденций, связанных с либерально-позитивистскими реформами, российское законодательство стало одной из самых прогрессивных правовых систем, которая оперативно реагирует на современные вызовы, связанные с развитием человека и общества. Тем не менее, различные корни современного отечественного законодательства дают о себе знать, так как составляют базис, на котором и выстроены различные отрасли отечественного права.

Несмотря на то, что русское право начало формироваться достаточно поздно, по сравнению с европейскими народами, сегодня оно не отстаёт в развитии и активно модернизируется и демократизируется, но при этом не теряет своих особенностей, доставшихся ей по мере развития, а именно за периоды Российской империи и, прежде всего, Советского государства.

Чтобы более точно определить ветвь романо-германской правовой семьи, к которой принадлежит древнерусская система права, детерминируем несколько источников права, которые существовали в период генезиса и становления Древней Руси.

Римская правовая семья. Как известно, римская правовые традиции были и остаются достаточно распространёнными среди демократических стран – влияние данной правовой системы на становление российского права – это общеизвестный факт. За отправную точку в анализе возьмём Кодекс Юстиниана (лат. «Codex repetitae praelectionis») 529 года, который был составлен профессиональными византийскими юристами и включал Дигесты Юстиниана. В рассматриваемый исторический период данный свод законов был широко известен и являлся для многих государств предметом рецепции.

Подходя к анализу общества и государства IX-XI нужно понимать, что существовало две вли-

ятельных ветви законодательства – это церковное право (каноническое) и племенное/государственное (монархическое).

Собственно, процесс становления древнерусского права берёт своё начало с установления первых «дипломатических» связей, которыми стали российско-византийские отношения. Начиная с 860 года отношения между государствами активно развивались и имели различный характер – от военных походов на Константинополь до заключения мирных договоров. Под влиянием римско-византийской культуры, ассимиляция правовых обычаев и внедрение норм права, происходило постепенно – первый нормативно-правовой акт датирован IX веком – известен как «Закон судный людем».

Принятие в 988 году Христианства на Руси положительно повлияло на отношения между Киевом и Константинополем, так как роль религии в становление древнерусского права имеет ключевое значение – оно являлось отправным пунктом для рецепции византийского права. Русская Церковь, основываясь на памятники византийской юриспруденции начинает издавать Кормчие книги, включая в них положения римско-византийских Номоканонов и Дигестов Юстиниана. Как отмечают учёные, церковное право послужило основой для создания гражданского судопроизводства и становлению семейного права [9].

Так, в научном сообществе нет однозначной позиции, что известный русский церковный сборник права – Закон судный людем, являлся результатом реализации опыта Болгарского (Г. А. Розенкамф) или Моравского права (Й. Вашица).

В целом, установление русско-византийских отношений способствовало просвещению русского законодателя, которому стали известны такие своды права, как Кодекс и Дигесты Юстиниана, а позднее и Эклога Льва III (729 г.) и другие. Однако, после падения Западной Римской империи в 476 году и утрачивания Восточной Римской империей своего бывшего влияния, та культурно-правовая связь, влиявшая на формирование определённых сфер жизнедеятельности древнерусского общества, прервалась [11].

В этой связи, нельзя не заметить, что уже к 481 году относят образование Франкского государства, главой которого был Хильдерик I из династии Меровингов, а уже при его преемнике – Хлодвиге I, – был создан известный свод германского обычного права – Салическая правда (лат. «Lex Salica») 507-511 гг [5].

Германская правовая семья. Из германской правовой семьи выделим несколько сборников варварского права и кратко охарактеризуем их значение в контексте обозначенной темы. К германским правда относятся: Саксонская правда

(лат. «Lex Saxonum») 775-785 гг. [6], Хамавская правда (лат. «Lex Francorum Chamavorum») ≈ 813-814 гг. [19,20], Рипуарская правда (лат. «Lex Ribvaria») ≈ 802-803 гг. [6], Тюрингская правда (лат. «Lex Thuringorum», «Lex Angliorum et Werinorum») 802 г. [7] и знаменитая Салическая правда и пр [16]. Данные нормативно-правовые акты составлены отдельными германскими племенами и одновременно действовали во время Франкской Империи (с 481 г.). Помимо этого, следует обратить внимание на норманнское (варяжское) право, которое проникало на Русь как в результате торгового сообщения по Балтийскому морю [14], так и по призыванию Рюриковичей (862 г.). Так, например, выдающийся исследователь Багалея Д. И, размышляя под данному вопросу говорил следующее: «Связи с норманнами были не только на военном поле [имеется ввиду – наёмничество, дружинничество], но и на почве семейных отношений.». Кроме того, существует гипотеза о том, что первые русские князья брали в жёны женщин скандинавских народностей [3].

Собственно, германскую правовую семью рационально рассматривать, разделив на несколько ветвей, обусловленных географическим расположением племён. Так, германские племена, располагавшиеся к западу от Рейна, преимущественно самостоятельно формировали собственную систему права, несмотря на их выгодное экономическое географическое положение – у них был выход к Северному, а затем и к Балтийскому морю, а также к рекам Северной Европы. Однако, в данном случае речь может идти преимущественно о влиянии норманнского и галло-римского права. Так известно, что в конце IX века Северные земли Нормандии были захвачены викингами, выходцами с территории современной Дании и Норвегии, а в 911 Карл III (из династии Каролингов) – король Западно-Франкского государства, признал власть норманнов в Нормандии [8]. К этому факту еще добавляется и то, что на протяжении всего раннего средневековья берега Северной Европы подвергались частым набегам викингов, кроме того они спускались вверх по течению европейских рек, впадающих в Северное и Балтийское моря [17]. В результате таких активный и продолжительных экспансионных действий норманнская культура, в частности, варварское право не могло не влиять на развитие европейских народов и государств [8].

Восточно-рейнские же германские племена, географически находившиеся ближе к границам бывшей Западной Римской Империи (пала в 476 г.), естественно получали полезнейшее для развития культурное и правовое влияние бывших регионов Империи. Перенимание хоть и не проходило мгновенно, но почва для этого была заготовлена. Собственно, известные Алеманнская

(лат. «Lex Alamannorum») VII-VIII вв. и Баварская (лат. «Lex Baiuvariorum») VIII в. [16] хоть не имели полного сходства с римской правовой культурой, но проведя сравнительный анализ, можно заметить структурное сходство последних с римскими нормами, тогда как Салическая правда и другие сборники западно-рейнских племён такого сходства лишены и представляют из себя самостоятельную работу франкских юристов не без влияния, конечно, галло-римской юридической традиции [4].

Собственно, при установлении взаимосвязи Древней Руси и германских племён возникает проблематика, касающаяся того, что информации об отношениях между народами на сегодняшний день нет, а сравнение документов – Русской правды (Правды Ярослава Мудрого) и сборников франкских (германских) племён, – говорит о другом, что памятник древнерусского права был создан под влиянием германского права. Обращаясь к истории, нельзя не учитывать активное торговое сообщение между народами, поэтому можно заключить, что Русская Правда явилась результатом, вероятно, торговых отношений между Русью, Франкским государством и норманнскими племенами [14], а также варяжским правовым наследием, которое могли оставить Рюриковичи.

Русская Правда в целом регулировала различные отрасли жизнедеятельности: семейное право, уголовное, наследственное, частное и судебно-процессуальное. Однако, при проведении сравнительно-правового анализа Саксонской [15] и Русской Правды (краткая редакция) [10], можно заметить схожесть как в кодификации правовых норм, так и в их толковании и воспроизведении типичных социально-экономических ситуаций (казусов), подлежащих правовому регулированию. При этом, заметим, что Саксонская правда была составлена в VIII веке, а самый ранний экземпляр Русской Правды известный нам сегодня датирован началом XI века – это Правда Ярослава Мудрого 1016 года [12].

Так, при создании первой версии Русской Правды составитель документа руководствовался как обычным правом, так и достижениями романо-германского права, но преимущественно германской и норманнской юриспруденции – памятниками варварского франкского и варяжского обычного права. В противном случае Русская Правда могла бы представлять собой более совершенный комплекс правовых норм, сопоставимый с византийскими сводами законов того времени.

При этом, ещё одним источником Русской Правды послужило обычное (русское) право, которое как напрямую, так и через нормативно

закреплённые правовые обычаи в церковном и княжеском законодательстве было включено в данный сборник.

Однако заметим, что византийская правовая культура проникала на Русь преимущественно через церковные законы, тогда как Русская Правда была сделана больше по подобию сборников варварского права скандинавских и германских племён. Собственно, значение византийского права ограничивается, по нашему мнению, законодательством, издаваемым церковью и которое по подобию римско-византийских источников права оформляла обычное (русское) право в кодифицированный вид.

Можно заключить, что становление древнерусской правовой системы, относящееся к IX-XI векам, в большей степени основывалось на варварском праве, которое было актуально в первых столетиях нашей эры и распространено было у многих формирующихся народов. Последующее же развитие русского права происходит параллельно со становлением монархии на Руси: главными источниками русского права являлись законы, издаваемые царём или Великим князем [13].

Вывод. Рассматриваемый нами вопрос является неоднозначным и острым для истории российской юриспруденции. Так, ещё с XVIII века развивались гипотезы о германском и (или) норманнском происхождении первых источников права древнерусского государства. Нельзя не упомянуть таких имён как: Ф. Г. Штрубе де Пьермонт, Г. С. Байер, Г. Ф. Миллер и другие, которые выдвинули гипотезу о том, что первые уставы призванных варяжских князей являлись результатом целенаправленной рецепции их родного, варяжского, норманнского права [1]. Норманнская теория и по сей день имеет своих последователей, в том числе и в научной среде [18].

Так, учёный А. В. Агафонов выдвигает рациональную мысль о том, что какое-либо сходство древнерусских нормативно-правовых актов с германскими и норманнскими правовыми традициями обусловлено лишь характерными особенностями развития народов и государств в тот период времени [1].

Существует и другая позиция. Так, исследователи В. А. Ангрускаева и Б. А. Бальжиев считают, что первые древнерусские правовые акты создавались самостоятельно, но под влиянием римского (византийского) права: «Русская Правда заимствовала скорее не нормы варварских правд, которые по отношению к римскому праву лишь вторичны, а нормы самого первоисточника – римского права.» [2].

По нашему мнению, несмотря на географическую близость Руси с Византией, первые древ-

нерусские нормативно-правовые акты были созданы под влиянием юридических традиций норманнского (варяжского) и германского (франкского) права, так как на сегодняшний день, хоть и не имеется достоверных и точных источников о прямых и близких политических контактах Руси и Франкского государства, но, обращаясь к истории Европы рассматриваемого нами периода, версия о германско-норманском происхождении русского права будет являться более реалистичной, поскольку, как уже говорилось ранее, мы de facto обнаружим сообщение восточно-славянских племён, как с норманнами, которые в начале эры, являлись владельцами северных морей и земель, так и с франками, которые, помимо всего прочего, осуществляли походы в восточном направлении на северо-восточные (балтийские) племена славян (бодричей, лютичей (вильцев/вилетов), поморян). Более того, известны и тесные экономические (торговые (сухопутные и морские пути)) и культурные отношения, которые устанавливались между указанными племенами и государствами, хоть и не всегда напрямую. Помимо этого, отношения могли устанавливаться на территориях других народов и государств, которые либо являлись одним из центров коммерции (торговли и пр.), либо же через территории которых пролегали стратегически важные для большинства народов Европы торговые пути. К этому добавляется и тот известный факт, что Рюрик и его братья являлись норманнами, чьи традиции могли влиять на становление правовой системы древней Руси [14].

Таким образом, на основании вышесказанного можно предположить, что влияние норманнских (варяжских) и германских (франкских) правовых традиций на формирование древнерусского законодательства является более значительным, чем это принято считать в юридической науке.

Список литературы:

[1] Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права (VI - XII вв.) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Агафонов Андрей Викторович. – Тольятти, 2006. – 167 с. – EDN NNZIEV.

[2] Ангрускаева В.А. К вопросу о происхождении Русской правды: Русская Правда - одна из варварских правд? / В. А. Ангрускаева // СТУДЕНТ года 2021 : сборник статей II Международного учебно-исследовательского конкурса : в 6 ч., Петрозаводск, 15 декабря 2021 года. Том Часть 2. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2021. – С. 59-65. – EDN LYULIB.

[3] Багалеи Д.И. Русская история. Т.1. Княжеская Русь (до Иоанна III): с картами, планами и снимками с памятников древности и искусства : пособие к лекциям для высшей школы и руководство для учителей и самообразования / Д. И. Багалеи, заслуженный профессор. – Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914, – 167-168 с. / Официальный интернет-портал Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина (www.prlib.ru). – URL: <https://www.prlib.ru/item/362446>

[4] Данилова Г.М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. (монография) / Петрозаводск, издательство «КАРЕЛИЯ», 1969, с. 296.

[5] Дживелегов А.К. Салическая Правда // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

[6] Земляков М.В. Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой / М. В. Земляков // Средние века. – 2015. – Т. 76, № 3-4. – С. 76-100. – EDN VLSAJP.

[7] Земляков М.В. Эволюция рабства в германском мире в поздней Античности и раннем Средневековье (сравнительный анализ франкского законодательства VI -начала IX в. и англо-саксонских законов VII -начала XI в.) : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М. В. Земляков. – Москва, 2015. – 577 с. – EDN WRMJRH.

[8] Козлов А.С. «Chronicon De Gestis normannorum in Francia» как источник / А. С. Козлов // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2009. — Вып. 39: К 60-летию д. и. н., профессора В. П. Степаненко. — С. 108-122.

[9] Кулида О.А. Рецепция римского права в российской правовой системе / О. А. Кулида // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 38-40. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_38. – EDN SUAZZP.

[10] Лукин П.В. Русская правда (кодекс) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/ruskaia-pravda-kodeks-912465/?v=7312014>. – Дата публикации: 27.04.2023. – Дата обновления: 19.05.2023.

[11] Майборода Э.Т. Leges barbarorum как источник формирования континентального права / Э. Т. Майборода // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2022. – № 2(55). – С. 13-17. – EDN HILFMM.

[12] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / АН СССР, Институт истории; отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.

[13] Осипов М.Ю. Сравнительно-правовой анализ основ римского и русского государства и права / М. Ю. Осипов // История и современность. – 2015. – № 2(22). – С. 93-103. – EDN UNSVYN.

[14] Павлюченко В.С. Взаимоотношения Древней Руси со скандинавскими народами и народами Северного Кавказа в IX-XII веках (сравнительный анализ) / В. С. Павлюченко, С. Т. Чамокова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2016. – № 2. – С. 17-23. – EDN WHPFCN.

[15] Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы [Текст] : Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / Под ред. акад. В. М. Корецкого. — Москва : Госюриздат, 1961. — 950 с. : 23 см.

[16] Чиркин В.Е. Варварские правды // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/varvarskie-pravdy-03033c/?v=6785100> . – Дата публикации: 30.03.2023.

[17] Щеглов А.Д., Смирницкая Е. В. ВИКИНГОВ ЭПОХА // Большая российская энциклопедия. Том 5. Москва, 2006, стр. 304-305.

[18] Ярушева Л.В. Влияние славянского, римского, немецкого права на формирование российских источников права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16313

Правильная ссылка на статью: Ярушева Л.В. Влияние славянского, римского, немецкого права на формирование российских источников права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16313

[19] Baluze E. Capitularia regum Francorum. Paris, 1677. T. I. Tit. 511-516.

[20] Froidevaux H. Etude sur la «Lex dicta Francorum chamavorum» et sur les francs du pays d'Amor. Paris, 1891. P. 10.

Spisok literatury:

[1] Agafonov A.V. Proiskhozhdenie i istochniki drevnerusskogo prava (VI - XII vv.) : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Agafonov Andrej Viktorovich. – Tol'yatti, 2006. – 167 s. – EDN NNZIEV.

[2] Angruskaeva V.A. K voprosu o proiskhozhdenii Russkoj pravdy: Russkaya Pravda - odna iz varvarskih pravd? / V. A. Angruskaeva // STUDENT goda 2021 : sbornik statej II Mezhdunarodnogo

uchebno-issledovatel'skogo konkursa : v 6 ch., Petrozavodsk, 15 dekabrya 2021 goda. Tom Chast' 2. – Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.), 2021. – S. 59-65. – EDN LYULIB.

[3] Bagalej D.I. Russkaya istoriya. T.1. Knyazheskaya Rus' (do Ioanna III): s kartami, planami i snimkami s pamyatnikov drevnosti i iskusstva : posobie k lekciyam dlya vysshej shkoly i rukovodstvo dlya uchitelej i samoobrazovaniya / D. I. Bagalej, zasluzhennyj professor. - Moskva : Tipografiya T-va I. D. Sytina, 1914, – 167-168 s. / Oficial'nyj internet-portal Prezidentskoj biblioteki im. B.N. El'cina (www.prlib.ru). – URL: <https://www.prlib.ru/item/362446>

[4] Danilova G.M. Alamanskoe i bavarskoe obshchestvo VIII i nachala IX v. (monografiya) / Petrozavodsk, izdatel'stvo "KARELIYa", 1969, s. 296.

[5] Dzhivelegov A.K. Salicheskaya Pravda // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). — SPb., 1890—1907.

[6] Zemlyakov M.V. Social'no-pravovoj status lyudej korolya i cerkvi v Ripuarskoj pravde: mezhdunarabstvom i svobodoj / M. V. Zemlyakov // Srednie veka. – 2015. – T. 76, № 3-4. – S. 76-100. – EDN VLSAJP.

[7] Zemlyakov M.V. Evolyuciya rabstva v germanskom mire v pozdnej Antichnosti i rannem Srednevekov'e (sravnitel'nyj analiz frankskogo zakonodatel'stva VI -nachala IX v. i anglo-saksonskih zakonov VII -nachala XI v.) : special'nost' 07.00.03 "Vseobshchaya istoriya (sootvetstvuyushchego perioda)" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk / M. V. Zemlyakov. – Moskva, 2015. – 577 s. – EDN WRMJRH.

[8] Kozlov A.C. «Chronicon De Gestis normanorum in Francia» kak istochnik / A. C. Kozlov // Antichnaya drevnost' i srednie veka. — Ekaterinburg: [Izd-vo Ural. un-ta], 2009. — Vyp. 39: K 60-letiyu d. i. n., professora V. P. Stepanenko. — S. 108-122.

[9] Kulida O.A. Recepciya rimskogo prava v rossijskoj pravovoj sisteme / O. A. Kulida // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 10(226). – S. 38-40. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_38. – EDN SUAZZP.

[10] Lukin P.V. Russkaya pravda (kodeks) // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyj portal – URL: <https://bigenc.ru/c/russkaia-pravda-kodeks-912465/?v=7312014>. – Data publikacii: 27.04.2023. – Data obnovleniya: 19.05.2023.

[11] Majboroda E.T. Leges barbarorum kak istochnik formirovaniya kontinental'nogo prava / E. T. Majboroda // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. – 2022. – № 2(55). – S. 13-17. – EDN HILFMM.

[12] Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov / AN SSSR, Institut istorii; otv.

red. M. N. Tihomirov; pod red. i s predisl. A. N. Nasonova. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. – 640 s.

[13] Osipov M.Yu. Sravnitel'no-pravovoj analiz osnov rimskogo i russkogo gosudarstva i prava / M. Yu. Osipov // Istoriya i sovremennost'. – 2015. – № 2(22). – S. 93-103. – EDN UNSVYN.

[14] Pavlyuchenko V.S. Vzaimootnosheniya Drevnej Rusi so skandinavskimi narodami i narodami Severnogo Kavkaza v IX-XII vekah (sravnitel'nyj analiz) / V. S. Pavlyuchenko, S. T. Chamokova // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2016. – № 2. – S. 17-23. – EDN WHPFCN.

[15] Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy [Tekst] : Gosudarstvo drevnih frankov, Anglo-Saksonskoe gosudarstvo, Angliya, Germaniya, Ispaniya, Italiya, Franciya, Albaniya, Bolgariya, Vengriya, Pol'sha, Rumyniya, Chekhiya, Yugoslaviya / Pod red. akad. V. M. Koreckogo. — Moskva : Gosyurizdat, 1961. — 950 s. : 23 sm.

[16] Chirkin V.E. Varvarskie pravdy // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyj

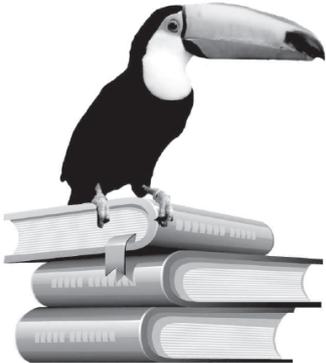
portal – URL: <https://bigenc.ru/c/varvarskie-pravdy-03033c/?v=6785100> . – Data publikacii: 30.03.2023.

[17] Shcheglov A.D., Smirnickaya E. V. VIKIN-GOV EPOHA // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. Tom 5. Moskva, 2006, str. 304-305.

[18] Yarusheva L.V. Vliyanie slavyanskogo, rimskogo, nemeckogo prava na formirovanie rossijskih istochnikov prava // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 1. S. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16313 Pravil'naya sсыlka na stat'yu: Yarusheva L.V. Vliyanie slavyanskogo, rimskogo, nemeckogo prava na formirovanie rossijskih istochnikov prava // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 1. S. 1-16. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.1.16313 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16313

[19] Baluze E. Capitularia regum Francorum. Paris, 1677. T. I. Tit. 511-516.

[20] Froidevaux H. Etude sur la «Lex dicta Francorum chamavorum» et sur les francs du pays d'Amor. Paris, 1891. R. 10.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГРИГОРЬЕВ Евгений Геннадьевич,
аспирант 1 курса Юридического факультета
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
e-mail: grigorev420@bk.ru

Научный руководитель:
АНТОНОВА Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: cheb@ruc.su

РЕФОРМЫ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые преобразования системы воеводского управления в России XVIII столетия. Анализируются причины реформирования, основные изменения в структуре и функциях воеводских учреждений, а также последствия проведенных реформ. Особое внимание уделяется сравнению воеводской системы с новыми формами местного управления, введенными в ходе петровских преобразований.

Ключевые слова: воеводское управление, реформы, воеводские учреждения, приказные избы, воеводы.

GRIGORIEV Evgeny Gennadievich,
1st year postgraduate student at the Law Faculty
of Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the autonomous
non-profit educational organization of Higher education
of the Central Union of the Russian Federation
«Russian University of Cooperation»

Scientific supervisor:
ANTONOVA Elena Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor

REFORMS OF THE VOIVODESHIP ADMINISTRATION IN THE XVIII CENTURY

Annotation. The article examines the key transformations of the voivodeship management system in Russia of the XVIII century. The reasons for the reform, the main changes in the structure and functions of the voivodeship institutions, as well as the consequences of the reforms are analyzed. Special attention is paid to comparing the voivodeship system with the new forms of local government introduced during Peter the Great's reforms.

Key words: voivodeship administration, reforms, voivodeship institutions, command huts, voivodes.

Система воеводского управления, сложившаяся в России к началу XVIII столетия, представляла собой сложный механизм государственного администрирования. Воеводы ведали военными, административными, полицейскими, судебными, финансовыми и поместными делами, управляя территориями через приказные избы, которые позже были переименованы в вое-

водские канцелярии. Их деятельность охватывала все аспекты жизни вверенных им уездов, что требовало серьезной модернизации в условиях стремительных преобразований российского государства.

Воеводские должности обычно замещались отставными служилыми людьми из числа бояр, дворян и детей боярских [2, с. 257]. Они получали

поместные оклады и вотчины за свою службу. Назначение происходило через Разрядный приказ, утверждалось царем и Боярской думой. Срок службы составлял от одного до трех лет, при этом в крупных городах могло быть несколько воевод, один из которых считался главным [1, с. 82].

К началу XVIII века система управления требовала существенных изменений. Неопределенность наказных предписаний, отсутствие четкого контроля над деятельностью воевод, их склонность к злоупотреблениям и отождествление управления с кормлением создавали серьезные препятствия для эффективного государственного управления. Недостаточная подготовленность к разрешению административных вопросов и неграмотность части воевод также служили серьезными помехами в их деятельности.

В 1708 году произошла первая значительная реформа, в результате которой воеводы были переименованы в комендантов и обер-комендантов. Однако уже в 1718 году им вернули прежнее название. Теперь воеводы назначались императором и Сенатом, что свидетельствовало о повышении статуса этой должности в новой системе государственного управления.

Важным изменением стало введение четких сроков службы. В 1730 году Сенат установил двухлетний срок службы воевод, по истечении которого они должны были являться в Сенат с росписными и счетными книгами. Позже, в 1760 году, срок службы увеличили до пяти лет, при этом жителям предоставлялось право ходатайствовать о продлении этого срока.

Реформы затронули не только статус воевод, но и структуру их аппарата. Приказные избы, которые ранее возглавлялись дьяками, были преобразованы в воеводские канцелярии. В крупных городах они разделялись на столы под руководством подьячих. В состав канцелярии входили приставы, надельщики, рассыльщики и сторожа, которые обеспечивали исполнение распоряжений воеводы [4, с. 412]. При смене воевод вводилась строгая процедура передачи дел и казенного имущества по описям и книгам. Один экземпляр описи отправлялся в соответствующий приказ, что свидетельствовало о создании системы контроля над деятельностью воеводских канцелярий.

Реформы существенно изменили характер деятельности воевод. Теперь каждый воевода получал конкретный наказ, определявший его полномочия. Они продолжали осуществлять охрану феодальной собственности, бороться с укрывательством беглых, следить за порядком, ведать городским и дорожным делом, надзирать

за уголовным и гражданским судом. Финансовые полномочия воевод также подверглись регламентации. Они осуществляли контроль за деятельностью выборных лиц, проводивших сбор государственных налогов, и обеспечивали поступление средств в казну. В их обязанности входило содействие финансовым агентам из центра при проведении налоговых проверок.

Важной частью преобразований стала регламентация военно-административных функций воевод. Они занимались набором на службу дворян и детей боярских, вели их учет, проводили периодические смотры и отправляли на службу по первому требованию. Это требовало от воевод более профессионального подхода к выполнению своих обязанностей.

Несмотря на проведенные реформы, система воеводского управления сохраняла ряд существенных недостатков. Воеводы по-прежнему не имели достаточно сильного аппарата для решения всех возложенных на них задач и были вынуждены постоянно обращаться в московский приказ по различным вопросам. Реального контроля над их деятельностью не существовало, что приводило к злоупотреблениям и произволу [3, с. 612].

В первой четверти XVIII века потребовалось провести более радикальные преобразования системы управления. Это было обусловлено необходимостью быстро и решительно бороться с различными проявлениями недовольства, взыскивать налоги, осуществлять наборы в армию и проводить предписанные из центра преобразования. В результате была проведена губернская реформа, в ходе которой приказные избы ликвидировали, а их функции распределили между губернскими и воеводскими канцеляриями, магистратами, судами и другими вновь созданными учреждениями. Это позволило создать более эффективную систему управления на местах [5].

Реформы воеводского управления в XVIII веке представляли собой сложный и многоэтапный процесс модернизации государственного аппарата России. Они были направлены на повышение эффективности управления, усиление контроля со стороны центральной власти и создание более четкой системы разделения полномочий.

Список литературы:

- [1] Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. М.: Молодая гвардия, 1989. – 320 с.;
- [2] Буганов В.И., Преображенский А.М., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М.: Мысль, 1980. – 342 с.;

[3] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 831 с.;

[4] Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 2020. – 528 с.;

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.

Spisok literatury:

[1] Buganov V.I. Mir istorii. Rossija v XVII stoletii. M.: Molodaja gvardija, 1989. – 320 s.;

[2] Buganov V.I., Preobrazhenskij A.M., Tihonov Ju.A. Jevoljucija feodalizma v Rossii. M.: Mysl', 1980. – 342 s.;

[3] Ključevskij V.O. Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij. M.: OLMA-PRESS, 2004. – 831 s.;

[4] Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivohina T.A. Istorija Rossii. M.: Prospekt, 2020. – 528 s.;

[5] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. SPb., 1830.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

**НОВЫЙ
юридический
журнал**

*Ежеквартальный
научно-правовой
журнал*

**№ 2
(апрель-июнь)
2025 г.**

Официальный сайт: <https://new-law.ru>

Электронный архив номеров: <https://new-law.ru/архив-выпусков/>